

## произнесения

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОВРАНИИ

## **РИШЕЛЬЕВСКАГО лицея,**

**18-го Июня, 1844 года.**

ОДЕССА -

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1844.

ІМРФ

ІЛІНІСІНІОЦІ

ХІНАСЕО СМОКІІІСТОЕЖТОТ СІІ

РІЧНІ ОТАВІЯНІІІ

Печатано по определению Лицейского совета. Одесса, 6-го Мая, 1844 года.  
1844. Секретарь Д. Логиновъ.

VINCENTII PACHMANNI,

Adjuncti et Ius Romanum docentis,

ORATIO

DE NOMOCANONIS RUTHENICI, QUI КОРМЧАЯ КНИГА  
INSCRIBITUR, CAPITIBUS XLVIII et XLIX,

dicta

*in Lyceo, quod Odessæ constitutum est,*

DIE XVIII JUNII MDCCXLIV.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУІМ. І.І. МИЧЕНКОВА

ALLEGORIE PAGINAE  
MAGISTERI ET ELETTORIS  
SITV  
DE MONCVNIONIS RUTHENCI QD ROPMRA RHETIA  
INSCRIBITUR VPIVITAS XLIId et XLII

NAUKOVAYA BIBLIOTEKA ONUVICHNIKHOVA

**O**rationem, apto instructu ornatunque comitatam et amplissimo consessu Vestro, Auditores omnium ordinum honoratissimi, dignam in medium proferre, ut est arduum opus, ita tenuitati oratoris minus adcommodum; neque proinde ita securum judicij ex illustri hocce loco comparere me videtis, Auditores summe colendi, quin meticulo me reverentiae sensu doctrinarum sacrarii nostri majestas compleat, sacrarii, quod facundissimorum virorum voce toties resonuit, quoties festivae occasiones musas hue conciverunt. Tametsi suscepti muneris difficultas me minus alacrem faciat; mos tamen voluntati Magistratus Academici, cuius decreto provinciam oratoris cepi, gerendus est. Quodsi igitur ea, quae cum bona venia Vestra mox prolaturus sum, jejunius multo atque exilius percurram; non tam ego aequis judicibus videri debeo exspectationem de me Vestram fefellisse, quam Vos de me et facultate dicendi mea nimis benigne judicasse.

Postquam circumspicere argumentum coepi, quod oratione pertractare possem, nihil admittendum putavi, nisi quod a munere, quo in hoc almo Lyceo fungi mihi conceditur, haud alienum, ad illustrandas nonnullas patrii juris partes aliquatenus adcommodatum et ita denique esset comparatum, ut juris studiosis paululum opitularetur. In quo investigando

diu cum haesitassem, incidi tandem in ejusmodi materiam, quae et studiis meis consentire, et hujusc litterarum ludi alumnis proficere posse, et in vernaculi etiam juris historia explananda alicujus momenti esse videbatur. Itaque statui de Nomocanonis Ruthenici, qui vulgo «Кориця книга» inscribitur, capitibus XLVIII et XLIX, nonnulla disserere, eo quidem consilio, ut, et quibus auctoribus haec legalia monumenta jure vindicanda sint, et quo tempore in laudatum corpus Juris irrepserint, inde manifestum fiat.

Nec me ipsum fugit, Auditores ornatissimi, opus longe difficillimum viresque meas valde superans me adgressum esse; arrisit tamen argumentum, eo magis, quod externam Nomocanonis historiam, licet magni nominis inter nostrates viri eidem non parum lucis attulissent, multis etiam nunc dubitationibus laborantem animadvertem.

Nomocanonem ex Graecorum canonum et legum politicarum versionibus nec non patrii juris fontibus, sub initio regni Alexii Michaëlidis, Josepho et Nicone patriarchatum tenentibus, conflatum et anno 1653 prelatum esse, inter omnes constat. Compilatores vero eundem in duas partes distribuerunt, quarum prior Canones Ss. Apostolorum, Synodorum ecumenicarum tum provincialium et Ss. Patrum regulas, altera vero Graecorum Imperatorum Leges et diversas juris ecclesiastici quaestiones, et has quidem magnam partem post seculum XI conscriptas, complectitur; unde patet, singulas Nomocanonis partes diversam traxisse originem, easque ad diversa tempora referandas et diversis auctoribus tribuendas esse.<sup>(1)</sup> Caput XLVIII Nomocanonis, quod Lex Politica (Градекий Законъ) inscribitur, 40 titulis absolutum, vulgo Basilio Macedoni tribuitur, ideoque nonnisi versio Prochiri esse putatur, quod autem illud excipit, et inscriptionem exhibet «Leonis Imperatoris sapientissimi et Constantini, fidelis

Imperatori, capitula de consensu sponsalium, de matrimonii et de aliis variis delictis»<sup>(2)</sup>, caput XLIX, nonnisi 16 continet titulos et, omnium fere judicio, pro Leonis Philosophi Ecloga habetur. In qua sententia versari video doctissimum virum Liberum Baronem de Rosenkampfio<sup>(3)</sup>, historiarum scientia non solum inter nostrates, sed apud exterios etiam imprimis clarum, qui in Nomocanone illustrando tantum, quantum antea nemo, praestitit, tantaque nominis gloria literarum rempublicam implevit, ut laudibus meis, quamvis justissimis, longe sit superior. Cum Rosenkampfio consentit aliqua ex parte ornatissimus N. Roschdestvenskius, vir in literarum republica non parvae auctoritatis et de juris studio vel optime meritus, qui in elegantissimo opusculo, quod de Ruthenorum jure hereditario<sup>(4)</sup> tractat, in capite quidem Nomocanonis XLVIII Basilii Prochirum inesse, capite autem XLIX Eclogam, Leonis Isauri auspiciis promulgatam, et recte quidem, contineri censem. Praeterea compertum habeo, complures viros eruditissimos, quos cunctos enumerae longum esset, in hac sententia acquievisse et rem omnibus jam numeris absolutam existimasse. Qua re probe explorata, argumentis etiam, quorum ope Rosenkampfius sententiam suam de auctoribus horum Nomocanonis capitum, quam in laudata Synopsi prolixè exposuit, fulciendam putavit, rite pérpensis, non pauca inveni, quae dubitationem mihi moverent remque longe aliter se habere persuaderent.

Collatis igitur cum laudatis Nomocanonis locis, quae de Basili, Leonis Philosophi et Leonis Isauri Promptuariis, nec non de recensionibus eorum et Codicibus Manuscriptis mihi undecunque innotuerunt; non puto procul a veritate abesse eum, qui sub XLVIII et XLIX Nomocanonis capitibus Eclogas utriusque Leonis, Philosophi et Isauri latere contendat: quod ipsum hac oratione probatus sum, licet ita probaturus,

ut doctrinorum virorum de hac re judicium exspectem. Omnia enim quae periti rerum arbitri de hac quaestione judicabunt, gratissima mihi erunt, quum, ubi me errasse animadverti, meliora doceri, quam erratis inhaerere malo.

Sed, antequam ad ipsam quaestionem accedamus, quibus auctoriis XLVIII et XLIX Nomocanonis capita vindicanda sint, rem altius repetere placet et ipsos adire juris fontes, quos, a Graecis acceptos et Slavonico idiomate redditos, in Nomocanonem admissos esse scimus.

Imperator Justinianus, Pandectis et Codice promulgatis, certum atque indubium jus civile esse redditum sibi persuasit, et, ne illud in posterum denuo incertum fieret, vetuit, quo minus commentarii ad novam legum collectionem illustrandam scriberentur, et nihil aliud fieri permisit in legibus suis, nisi translationes in Graecum sermonem faciendas, eodem ordine, quo collocata essent verba legum Latina (⁶).

Nihilominus tamen, et Justiniano regnante et paulo post ejusdem tempora, tanta interpretum atque commentatorum multitudine exstitit, ut videretur sanctio Justiniani tacite esse abrogata. Diversae porro et discrepantes inter se cum essent Jurisconsultorum in locis Digestorum et Codicis interpretandis sententiae, necesse erat, saepius judices in singulis causis decidendis haesitarent. Ipsa denique juris Justiniane indoles, ordo atque ratio inter diversas ejus partes intercedens, usum ejusdem in foris justo difficultatem reddiderunt. Altera enim pars jus vetus enucleatum et responsa prudentum; altera jus recentius et constitutiones Imperatorum continebat, quo factum est, ut Justinianus, omnes legum contradictiones

in novo Codice suo sedatus, vitare non potuerit, quin in opere tam vasto dubia atque contraria remanserint. Post ducentos fere annos, a Justiniano inde usque ad Leonem Isaurum praeterlapsos, ea fuit incolarum in Imperio Byzantino Latini sermonis imperitia, ut magis Graecae versiones juris Justinianei, quod maximam partem Latine conscriptum erat, quam genuinus textus in judiciis applicarentur. Singuli autem judices cum diversis uterentur versionibus, privatorum hominum opera confectis et publica sanctione parentibus, fieri non potuit, quin magna inde oriretur jurius legumque confusio et juris civilis fere eadem conditio esset, quae ante collectionem a Justiniano institutam extiterat (⁷).

Quae pessima juris conditio per ducentos fere annos continuata, movit tandem Imperatores Byzantinos, ut de eo emendando cogitarent et ad leges denuo condendas sese accingerent. Itaque *Leo Isaurus* (⁸) primus fuit, qui confusioni juris, ingenti versionum et commentariorum voragini immersi, medelam afferre studuit. Animadvertisit enim solertia principis, Graecas Justinianei juris versiones, paraphrases et breviations, quibus solis propter Latinae linguae insecitiam, relictis ipsis fontibus, in foro uterentur, inter judices et jurisconsultos parum vulgatas esse, easque a jure, quod usu fori receptum legis vim obtinuisse, saepius discrepare, novellas etiam, a singulis Imperatoribus singulatim editas, justo rarius adhiberi. Quibus malis obviam ut iret, compendium comparavit, quod summatim Justiniani seniorumque Imperatorum leges, ad jus privatum et criminale spectantes, contineret, explosis omnibus, quibus usu fori abrogatum esset, multis etiam suo ipsius arbitrio mutatis. Quod compendium «ἐκλογή τῶν νόμων ἐν συντόμῳ γενομένῳ» inscriptum, Leonis Isauri et Constantini Copronymi (⁹) nominibus promulgatum, et titulos 18 complectens, anno 739 vel 741 in lucem prodiisse, probabile est. Hisce praestitis

Imperator speravit fore, ut dubia e legibus evanescerent atque Jus Justinianeum, Graeca lingua propositum, in judiciis facilius applicaretur. Secus autem accidit, neque Legislatoris solertia fructum tulit. Nam quum Imperator in componenda Ecloga nimis sibi indulisset et permulta ad arbitrium immutasset, factum est, ut illa a successoribus ejus partim abrogaretur <sup>(9)</sup>.

Imperatores *Basilius Macedo* et *Leo Philosophus* <sup>(9)</sup>, quorum auspiciis Basilica promulgata sunt, compendia etiam legum elaboranda curarunt, ut et judices et juris studiosi haberent, quæ essent totius legitimæ scientiæ prima elementa. Nam vasto Basilicorum opere perfecto et Novellis promulgatis, opus erat libris elementaribus, qui tironibus juris studium faciliter redderent, præsertim quum legum compendia, tunc temporis usitata, parum apta viderentur. Sic jussu Basilii *Prochirum*, et Leonis *Eclogam Legum* prodiisse accepimus, in quibus edendis Imperatores sibi proposuerunt, prolixiores juris fontes in formam breviorem redigere, nec non ea, quæ ab iis ipsis constituta essent, suo quæque loco inserere.

*Prochiri* duæ recensiones innotuerunt, quarum alteri, Basilius Constantini et Leonis nominibus inscriptæ, præfatio præfixa est, cuius initium est: ὁ δεσπότης καὶ παιδίς τῶν ἀπάντων ὁ Θεὸς ἡμῶν κ. τ. λ. Quod ad annum attinet, quo illa promulgata sit, magna de eo est inter viros doctos disceptatio et adhuc sub judice lis est; omnibus vero anteponendam existimo eorum sententiam, qui anno 876 hanc Prochiri recensionem lucem vidisse suspicantur. Præterea de numero titulorum inter eruditos ambigitur. Altera Prochiri recensio, nomina Basili, Leonis et Alexandri exhibens et «Ἐπαναγγεῖλτοῦ νόμου κ. τ. λ.» inscripta, habet præfationem, cuius prima verba sunt: τὸ αξιωμα, <sup>(10)</sup> et 40 titulis absolvitur. Quam recensionem in novissimis Basili annis ponendam esse, vel ex ipsa ejusdem inscriptione patet <sup>(11)</sup>.

Postremo mihi de *Ecloga Leonis Philosophi* dicendum est, nomine Leonis et Constantini Porphyrogenetae, circa annum 910 promulgata, cuius præfatio a verbis incipit: τὸν μέγαν καὶ φύσει ἀληθῆ Θεὸν κ. τ. λ. Continet illa partim veteres juris fontes, in breviorem formam contractos, partim novas Constitutiones, et, si accuratiorem materiarum ordinem spectes, Prochiro longe antecellit. Certum atque omni dubitatione superius est, Eclogam ab ipsis Imperatoribus in 40 titulos fuisse divisam; quod ex ipsa præfatione, a Puetmanno et Reitzio edita, dilucide appetet.

Utrumque compendium legum, Prochirum Basili <sup>(12)</sup> et Eclogam Leonis Philosophi, viri docti mirum in modum confuderunt. Cujus rei causa in diversis horum compendiorum Codicibus MSS. potissimum quærenda esse videtur, quibus a librariis negligentibus vel imperitis sæpissime præfixæ sunt inscriptiones et præfationes, que ad eos vel minime quadrant. Cum enim Constantiū Porphyrogenetam a Constantino, Leonis fratre, non distinguerent, nomina Leonis et filii ejus, una cum Eclogæ præfatione, Prochiro præmiserunt; et contra, inscriptionem cum præfatione Prochiri Basiliani, Eclogæ Leonis præfixerunt. Præterea ne recensiones Juriconsulti quidem diligentiam, in hac re difficillima necessariam, adhibuerunt, cum non satis accurate utrumque Constantiū, alterum Basili, alterum Leonis filium distinxerint. Accedit porro illud, quod Prochirum et Ecloga, senioribus temporibus ab ipsis Grecis in manualia transformari, et justo liberius tractari cooperint, ita ut Cujacius <sup>(13)</sup> jure dicere potuerit «multa ejusmodi manualia juris in Oriente fuisse, omnibus fere patronis caussarum sive rhetoribus suum sibi codicillum et quasi viæ comitem confidentibus.» Itaque non mirum esse potest, manuscripts Prochiri et Eclogæ codices, qui hodie in multis bibliothecis asservantur, in immensum inter se differre. Sunt, qui utrumque manuale confusum

continere videantur, quibusve varii generis supplementa, aut separatim et paratitulorum nomine, aut subnexa titulorum seriei, superaddita sunt. In aliis particulares quedam præfationes leguntur, ita ut illi recensionem singularem eamque consulto factam passi videantur. Exstant denique Codices, qui et inscriptione et præfatione omnino carent. <sup>(14)</sup>

Quæ utriusque manualis confusio non solum permultis erroribus ansam præbuit, sed etiam effecit, ut virorum doctorum opiniones de genuinis horum manualium auctoribus varient, cum, quod alii Prochirum nominent, alii Leonis Eclogam esse velint. Auctoritate enim Harmenopuli, qui in Protheoria Promptuario premissa fatetur, se in componendo hoc opere Basilii Prochiro usum esse et locos ex eodem in Hexabiblon translatos, astericis notasse, nimis confisi, Suaresius <sup>(15)</sup>, Reitzius <sup>(16)</sup>, Hauboldus <sup>(17)</sup>, Bienerus <sup>(18)</sup> et Rosenkampfius <sup>(19)</sup> contendunt, manuale, apud Leunclavium sub titulo Eclogæ Leonis Philosophi typis expressum et priores XXVIII titulos exhibens <sup>(20)</sup>, revera tribuendum esse Leoni. In contraria autem sententia versantur: Pohlius <sup>(21)</sup>, Zepernickius <sup>(22)</sup> et C. G. E. Heimbachius <sup>(23)</sup>, qui Eclogam Leonis ineditam putant, et quod in Leunclavii Jure Græco-Romano legitur, Basilio vindicant <sup>(24)</sup>.

In tanto igitur eruditissimorum virorum dissensu vel maxime mihi verendum est, ne, si illorum sententiæ refragari audeam, insolentiæ nec non temeritatis arguar; sin horum judicium libentius sequar, in verba magistri jurare videar. Quapropter, suspicione nimiae mei ipsius fiduciaæ vel etiam levitatis, quæ exinde jure in me cadere possit, ut me liberem, relicta utrorumque, quantacunque illa demum sit, auctoritate, quod probandum suscepi, argumentis, ex re ipsa et interiore ejus conditione de promendis, firmandum esse putavi.

In auctoribus horum compendiorum definiendis cum non solum librarios errasse, sed etiam recentiores Jurisconsultos hæsitasse viderimus, non ad inscriptiones, a librariis singulis Codicibus præfixas, imo ad ipsas præfationes respiciamus necesse est. Quodsi enim præfationem cum arguimento libri, quem præcedit, contulerimus et investigaverimus rationem inter argumentum præfationis atque libri ipsius intercedentem, tuti ingrediemur.

Et primo quidem ea præfatio, quæ verbis incipit « ὁ δεσπότης » et continet legislatorum querelas de legum multitudine et jure incerto redditio, ad Basilli, non ad Leonis et Constantini Porphyrogenetæ tempora referenda est, quorum quippe aetate, Basilicis absolutis, omnis legum obscuritas evanescere debuerat. Contra, cum prefationem, cuius initium est « τὸν μέγαν », et in qua de Collectione Legum LX lib. absoluta mentio fit, unice Eclogæ Leonis accommodari posse vel ex eo patet, quod Basilica a Basilio incopta quidem, a Leone vero perfecta esse, plurimis historicornm testimoniis evincitur. Deinde ultima verba ejusdem præfationis « Hujus porro tractationis initium ibi positum est, unde natura nostra initium duxit », bene quadrant cum argumento tituli 1<sup>mi</sup>, qui agit de consensu sponsalitio ergo et matrimonio; minime vero conveniunt ei manuali, cuius 1<sup>mus</sup> titulus est « de jure et justitia »; quoniam nec ex lege nec ex justitia orti sumus, sponsalibus vero et matrimonio nativitatem debemus.

Quæcum ita sint, præfationem « ὁ δεσπότης » ad Prochirum, cuius 1<sup>mus</sup> titulus est « de jure et justitia », alteram vero « τὸν μέγαν » ad Eclogam Leonis, cuius 1<sup>mus</sup> tit. est « de consensu sponsalitio », ultimus autem « de dispartitione praedae vel de spoliis », pertinere mihi persuasum est; quod etiam plures utriusque manualis Codices M<sup>ss</sup>, in quibus nempe et inscriptiones recte se habent, et præfationes cum ipsorum librorum ar-

gumento congruunt, satis demonstrant. Neque illud adversatur, quod in ipso contextu ejus praefationis, quam modo Leoni tribuimus, Imperatores Compendium Legum suum Prochirum appellant; nam verba «Ecloga, Synopsis, Enchiridium et Prochirum» de quovis legum compendio promiscue usurpata fuisse, ex plurimis illius temporis scriptoribus constat.

Ne autem Harmenopuli, et sua aetate jurisprudentiae luminis et senioribus temporibus inter jurisperitos celebratissimi, auctoritatem temere aspernari, et tantum virum fontium, quos citavit, inscitiae arguere videamus; id, quod jam supra notavimus, monendum est, ipsum Harmenopulum profiteri, se in adornando Promptuario Prochiro usum esse, et plurimos historiae juris scriptores, ejus auctoritate motos, sibi id persuasisse<sup>(25)</sup>. At eos et perperam in hanc opinionem incidisse et ipsum Harmenopulum, falsa Codicis, quem adhibuerat, inscriptione deceptum, Prochirum pro Ecloga fontem operis sui nominasse, mihi indubiam videtur. Nam Reitzins acceptum a Meermanno Codicem, in quo Prochirum inesse putabatur, cum Harmenopulo contulit, et locos, quos ab eodem in Hexabiblum translatos et signo saturnio instructos invenit, stellulis adnotavit<sup>(26)</sup>. Cum autem Codex hic præfationem «τὸν μέγαν» habuisse, et titulos 40 exhibuisse, quorum 1<sup>mus</sup> de consensu sponsalitio, sequentes ipsi de jure sponsalium et nuptiarum agerent, ab ipso Reitzio tradatur; plurimos porro ex eodem locos ab Harmenopulo in Promptuarium Iuris esse translatos, stellulæ, a Reitzio adjectæ, singulis fere paginis demonstrant, denique paucissimi loci ex Prochiro, apud Leunclavium in Jure Graeco-Romano edito, in Harmenopulo reperiantur, non possum, quin Harmenopulum non ex Prochiro Basilii, sed ex Ecloga Leonis Promptuarium suum composuisse existimem. Neque est quod miremur, hunc Iurisconsultum utrumque legum compendium confusisse, præsertim cum

satis longum spatium intercedat inter tempora Basili et Leonis ætamque Harmenopuli, qui annis fere 450 post hosce Imperatores vixit, ita ut jure suspicari liceat, jam seculo XIV Codices exstisset, in quibus et Eclogae et Prochiri inscriptiones et praefationes confusae fuerint, et Harmenopulum forte in ejusmodi Codicem incidisse.

Quorsum igitur haec dispuo? Ut intelligere possimus, Auditores summe reverendi, Nomocanonis Ruthenici capite XLVIII Eclogam Leonis Philosophi confineri, cum et numerus et ordo titulorum manuali, quod Eclogam esse demonstravimus, unice convenient. Quod autem hoc caput et inscriptione et prooemio, Eclogae praefigi solitis, careat<sup>(27)</sup>, et nonnisi «Lex politica» inscribatur, nullius sane momenti est, cum idem in multis Graecis Eclogae Codicibus MSS. accidisse, jam animadvertisimus<sup>(28)</sup>.

Restat, ut de Nomocanonis capite XLIX dicamus, in quo Rosenkampfus Leonis Eclogam inesse, et jam seculo XVI Graece et Latine publici juris factum fuisse putavit; ita tamen, ut id primo 29 titulis et aliquot Pseudotitulis constiterit, ex quibus 11 priores exciderint<sup>(29)</sup>. At repugnat huic opinioni et numerus et series titulorum, quae cuncta ad Eclogam Leonis minime quadrant. Potius Roschdestwenskio adstipulandum esse censeo, qui hoc Nomocanonis caput Leoni Isauro vindicat. Quare, ut succinctior nostra disputatio fiat et causæ simul proponantur, cur sententiam hanc probatam velimus, de ordine et arguento hujus Eclogae pauca proferre in animo est.

Si Graecorum Codicum<sup>(30)</sup> fidem sequamur, inscriptione Eclogae haec est: «Ecloga legum compendiaria per Leonem et Constantinum, sapientes ac pios nostrum imperatores etc», quod convenit cum inscriptione Slavonica, in Nomocanone Ruthenico typis expressa. Inscriptionem sequitur Dei invocatio, quae in Capite Nomocanonis XLIX deest. Deinde praefatio

Slavonica in omnibus congruit cum Codicibus Graecis, et differt ab iis nonnisi in eo, quod, distributione in 6 capita omissa, uno contextu scripta sit, in margine Sacrae Scripturae citationes exhibeat, et in compilatorum nominibus variet. Codices Graeci habent 18 titulos; in Nomocanone vero Ecloga 16 titulis absolvitur. Cujus varietatis causam non possum, quin nostratis tribuendam esse existimem, qui vel plures titulos in unum coegerint, quod idem jam *Roschdestvenskius* notavit, vel unum alterumve titulum plane omiserint; nisi forte malimus suspicari, a Nomocanonis compilatoribus ejusmodi Graecum Codicem adhibitum fuisse, qui Eclogam, a quodam Jurisconsulto in novam formam mutatam, continuerit; cuius generis Codices etiamnunc Parisiis et Vindobonae complures asservantur. Si denique seriem et argumentum singulorum titulorum spectemus, et Nomocanonis caput XLIX cum Codicibus Graecis comparemus<sup>(51)</sup>, illum ab his in nonnullis differre animadvertisimus; quae varietas tamen non tanti ponderis est, ut propterea, quod Nomocanonis capite XLIX legitur, Leoni Isauro vindicandum esse, dubitemus. Nam facile fieri potuit, ut Nomocanonis auctores in ejusmodi Codicem inciderint, qui Eclogam privatam continebat, aut diversitate, quam inter jus peregrinum et patrios mores intercedere viderent, moti, «ad retinendum veteris observantiae morem» nonnulla sibi mutanda esse existimaverint.

Priore orationis hujus parte utcunque absoluta, hoc mihi concedite, quæso, Auditores summa pietate colendi, ut et de tempore, quo utraque Ecloga nostri juris facta sit, et de causis, quæ peregrino juri viam in patriam nostram patefecerint, nonnulla disputare liceat.

Jus Graeco-Romanum non modo apud gentes Imperio Byzantino obnoxias valuisse, sed etiam vel receptum vel conservatum esse ab iis gentibus, quæ huic Imperio aut nunquam paruerant aut parere desierant, cuivis in historia vel mediocriter versato notum est. Sic plurimæ Slavorum stirpes, quæ nullo tempore in Graecorum ditione fuerant, una cum doctrina Christiana ab iis etiam leges acceperunt, dum pauciores, Byzantino Imperio olim subjectæ, postea vero in libertatem vindicatae, Juris Graeco-Romani usum retinere, quam suo more vivere maluerint. Sic et nos, Graecorum beneficio, et veræ fidei lumen, et bonarum artium primordia, et rerum civilium principia et legum ecclesiasticarum fundamenta veluti hereditatem, divinitus nobis concessam, adepti sumus et ad hanc ætatem grato animo tuemur. Nam maiores nostri, antiquissimo jam tempore, Graecos vel bello experti vel negotiorum commercio cum iis conjuncti, permulta ab iisdem mutuati sunt, quæ et ad rempublicam constituendam et ad vitam privatam bene ordinandam spectabant, unde factum est, ut vel ante doctrinam Christianam in Ruthenia propagatam, nonnulla Juris Graeco-Romani statuta sua sponte sequerentur. Fuerunt autem plurima, quæ utramque gentem ad vitae et negotiorum commercium vel invitarent vel cogerent, alteram loci opportunitas, coeli lenitas, et praedae spes; alteram militis inopia, mercatura lucra et invasionis metus. Quod ita se habuisse, demonstrant et studium Basili Macedonis, quo Kioviae incolas amicitia sibi devinciret, et stipendia, quæ iidem non multo post in Graeco exercitu merebant, et privilegia data nostratis, mercatura gratia Constantinopolin frequentantibus. Deinde cum Moravi a Basilio Christianos apostolos, Cyrillum et Methodium impetravissent, et res bene procederet, Graeci Russorum saevitiam, magna sibi pericula minitantem, doctrinae Christianae auxilio leniendam

suscepérunt, ita ut initia communicatae cum nostratis orthodoxae fidei ad annum 866 referenda sint. Nam, ubi primum nonnulli Russorum baptismi fontibus admoti sunt, Photius Patriarcha laetum de conversione Russiae nuntium ad universos Ecclesiae Antistites misit et mox etiam patriam nostram in Episcopatum numero posuit. Foedus etiam, ab Olego cum Leone, Alexandro et Constantino Porphyrogeneta ictum, ad utrosque populos arctius jungendos haud parum contulisse, in proposito est (52).

Plura adhuc commemorare possem de potestate, quam Jus Graeco-Romanum non modo in Russiam, sed etiam in finitos nobis populos exercuerit, nisi id ab ornatissimis viris et amicissimis mihi collegis, DD. Beckero et Linowskio, nuper factum esse viderem, qui diligentissime haec omnia perlustraverunt, et dissertissima oratione ita exposuerunt, ut, quid adjici possit, profecto nesciam (53). Itaque, orationis vela contracturus, quod reliquum est, paucis absolvam.

Græcorum leges ecclesiasticas jam Wladimiri Magni temporibus apud majores nostros in usu fuisse vel inde conjici potest, quod in « Codice de jurisdictione ecclesiastica » ab eodem promulgato, (Уставъ Владимира Равноапостольного о церковныхъ судахъ) lector ad Græcum Nomocanonem ablegatur. De genuitate quidem hujus Codicis inter doctos ambigitur; vetustissimum tamen Græcum Nomocanonem X. jam seculo in Ruthenia innotuisse, Venerabilis Nestoris testimonio firmatur (54). Wladimiro et Jaroslao Wladimiride regnantibus, permultos libros ecclesiasticos ex Græca in vernaculam linguam transfusos fuisse satis constat; num autem in eorum numero Nomocanon ponendus sit, certo definiri nequit, cum de hujus versione a nostris Annalium scriptoribus nulla prorsus fiat mentio. Quamvis enim Monachus Zynobius testetur, Jaroslai et filii ejus temporibus Nomocanonis versionem in Russia exstitisse, quin etiam Ni-

phantus, Episcopus Novogorodensis, seculo jam XII, Canonum Ss. Patrum versione usus fuisse dicatur; ejusmodi tamen versiohes, ab aliis cognatis Slavorum stirpibus confectas, in Rutheniam quidem transiisse, sed ab Ecclesiæ Antistitibus, propter lingue Slavonicæ inscitiam, tunc temporis rarius adhibitos fuisse, libenter crederem. Nam Ruthenicae Ecclesie Praesules et ministri, inde a Wladimiro usque ad Metropolitam Cyrilum magnam partem e Græcia oriundi, sine ullo dubio Slavonicis versionibus præferebant exemplaria Græca.

Fide digniora sunt testimonia, quæ de Nomocanonum versionibus seculo XIII exstant. Namque anno 1270 Cyrilus, Metropolita Kioviensis, primam Canonum versionem, quæ jam seculo Photiā in usum Bulgarorum ex recensione Zonaræ facta fuerat, et quæ etiam Slavis, Septentrionem versus colentibus, nota fuisse videtur, in Russia vulgavit, ita ut plurima hujus versionis exemplaria, hodie conservata, Cyrrili temporibus tribuenda sint. Hanc versionem sequutæ sunt multæ aliae, partim a Slavis meridiem versus habitantibus, partim ab indigenis confectæ (55), ex quibus omnes Nomocanonis Codices MSS. conflati sunt, qui in Russia, inde a seculo XIII usque ad a. 1653 prodierunt.

Quemadmodum ex collectionibus, in constituentibus priorem ordinem Nomocanonum Ruthenicorum, quibus nempe Nomocanon Jo. Scholastici fundamento est, ita ex vetustissimis Codicibus posterioris seriei, Photii Nomocanone nitentibus, manifestum est, Manualia Légum, quæ utrique Leoni vindicavimus, jam inde a seculis XII et XIII in Russia innotuisse. Lex politica enim in omnibus seculi XIII Codicibus, Ecloga saltem in nonnullis eorum reperitur; quare, si de tempore inquiramus, quo illæ nostri juris factæ sint, id jam seculo XIII evenisse, pro certo habemus. Quod vero Leonis Isauri Ecloga in quibusdam Codicibus desit, id ad tem-

poris quaestionem quidem nihil attinet; indicio tamē esse potest, usum ejusdem in foris ecclesiasticis minus frequentem fuisse.

At ne mirum videatur, cur utriusque Leonis Eclogae, quippe quae humani juris sint, in Juris Canonici Corpore locum obtinuerint, et ad Juris Graeco-Romani conditionem, et ad indolem aevi, quo illud in Ruthenia invaluerit, respiciendum est. Constituta et firmata in Byzantino Imperio orthodoxa Ecclesia, Imperatores et Synodi in condendis legibus aequas partes sibi assumpserunt. Dum illi, que reipublicae et civibus usui forent, constituerent, hæ, quibus et Ecclesia, regeretur et Christiani erudirentur, sanxerunt. Neque tamen utriusque juris conditores sibi temperare potuisse, quin jura humana diuinis juribus saepissime miscerent, ex Imperatorum Novellis et Canonum Collectionibus dilucide appareat. In illis enim plurima proponuntur, quæ mere juris canonici sunt; in his contra Ss. Patres a fidei et morum praceptis ad eiusmodi argumenta transiisse videmus, quæ ad jus civile vel criminale vel publicum nec non ad jurisdictionem pertinent; ita quidem ut universum jus, tunc temporis conditum, Nomocanonis et indolem et formam præ se ferre, recte dici possit.<sup>(56)</sup> Nec in solis legibus ferendis, sed et in litibus dirimendis et delictis puniendis Ecclesia divisam cum civili Magistratu potestatem obtinuit. Et primo quidem Ecclesiae foris obnoxii facti sunt omnes, qui clericorum ordinem constituebant, mox etiam ii, qui in Xenodochiis, Ptochotrophiis, Gerontocomiis, Orphanotrophiis, Asceteriis, Brephtrophiis et Monasteriis, Ecclesiae liberalitate sustentabantur aut ibi domicilium habebant; et id quidem non modo in causis mere ecclesiasticis, sed etiam in plurimis negotiis, quæ propinotorum temporum indole, a civili judice cognoscuntur, vel politicis reguntur legibus. Crescente temporis tractu jurisdictione ecclesiastica, civilis etiam jurisdictionis sub Ecclesiae censuram

vocata est, et laici pro ejus tribunalite stare jussi sunt. Sic Constantinus M., confirmato pristino more, quo ligantes inter se Christiani a pagano judice ad Ecclesie Antistites confugere solebant, sanxit, ut Episcoporum judicium absque ulla provocacione esset, Magistratus civilis autem exequi illud teneretur. Pari modo Justinianus I. in curandis publicis vinculis, in administrandis municipiorum bonis et redditibus, in conservandis libertatis juribus et in dandis tutoribus, Episcopos civili Magistratu adesse, civiles etiam in clericos, actiones ab iisdem judicari jussit. Et cum jam antea canonicis cautum esset, ne clerici, exhorta inter ipsos lite, a judice civili audiarentur, Heraclius non modo omnia ecclesiasticorum delicta ab ipsorum Antistitibus cognosci voluit, sed etiam permisit, ut omnes causæ civiles, cujuscunque demum ordinis actores essent, ad Ecclesie forum traherentur.

Cum vero ejusmodi causæ ad normam juris civilis judicandæ essent, Collectionibus Canonum saepius subjungebantur manualia legum, vel ab Imperatoribus promulgata vel a privatis elaborata. Quapropter suspicari licet, unum alterumve ejusmodi Nomocanonem, cui non modo utriusque Leonis Eclogae, sed etiam aliorum Imperatorum Novella Constitutiones adjectæ essent, ad cognatas nobis Slavorum stirpes pervenisse, et ad exempli fidem Slavonice redditum, in Russia vulgatum esse. Quod autem ab initio vel reverentiæ sensu vel juris imperitia fieri potuit, id postea necessitate cogente continuatum esse videtur, cum nemo eorum, qui conscribendis Nomocanibus operam navarint, quive Alexii jussu Nomocanonem in ordinem redigerint, de ejiciendis ex eo legibus politicis unquam cogitaverit. Cujus rei causam in similitudine ponendam esse arbitror, quae inter Graecæ et Ruthenicæ Ecclesie constitutiones tunc temporis intercedebat, nec non in patriarchalium legum inopia, ad quas complendas peregrinum jus in auxilium vobandum erat. Nam cum primitiva Ruthenica Ecclesia auspiciis Ecclesiæ

Byzantinæ et ad exemplar ejus constituta, plerumque ab Antistitibus ex Graecia accitis regeretur; fieri non potuit, quin etiam jurisdictionis ejus similis esset potestas. Id revera iusu evenisse, vel ex lege, a Wladimiro M. lata, apparet. Subjicit enim jurisdictioni Ecclesiæ, præter causas, ex ipsius rei natura ei obnoxias, non modo delicta contra religionem, Ecclesiam ejusque Canones commissa, veluti idolorum cultum, sacrilegia, incantationes, veneficia, demortuorum spoliations et superstitione facta, sed etiam delicta et causas ad familiæ statum spectantes, utpote matrimonia, divortia, adulteria, expositionem illegitime natorum, et lites domesticas de communi dividendo et hereditatibus. Præterea Antistitem tanquam legitimum judicem adire jussi sunt non modo monachi et clerici, sed etiam peregrinabundi et in loca sacra tendentes, medici, miraculo sanati, a dominis salutis æternæ spē emancipati, corporis vitio laborantes et omnes denique, quicunque in monasteriis, nosocomiis et xenodochiis domicilium haberent. Postremo, cum Ecclesia Principum munificentia et privatorum largitionibus rusticorum prædiorum vel dominium vel usum obtinuisse, quicunque in illis terris habitarent vel glebæ adstricti essent, ad Antistitum iudicia vocati sunt. Ampliata igitur Ecclesiæ jurisdictione, et patriis legibus pæne defientibus, Episcopi, in causis mere civilibus jus dicturi, leges Græcorum politicas adhiberent, necesse erat, præsertim cum promulgata in Russia orthođoxa fide, et novo rerum ordine inde nato, anteriorum temporum leges aboliendæ viderentur. Unde procul dubio effectum est, ut non modo Græcorum leges politicae in Nomocanonem reciperenetur, sed etiam in plurimis Codicibus, Statutis et Constitutionibus, a Russiæ Imperatoribus, inde a Wladimiro M. usque ad Alexium Michaëlidem editis, Juris Græco-Romani ratio haberetur.

Quod reliquum est, nuncupanda sunt nobis vota pro incolumentate AUGUSTÆ domus nostræ procerumque, quibus a summo rerum universitatis effectore et Imperii Ruthenici Statore DEO adsidua oratione fausta et felicia omnia prece mur, non quod nos dignos existimemus, quorum vota ab Eo attendantur, sed quod patriæ patres, ejusdem servatores, felicitatis universæ et singulorum promotores, dignissimi sint, pro quorum salute atque incolumentate, etiam eorum, qui per se nullo numero habendi sunt, preces non negligantur. Te, summe rerum Arbitre DEUS OPTIME MAXIME, Te inquam oramus et quæsumus, ut Clementissimus IMPERATOR, noster, NICOLAUS PAULIDES, Ejusque Augustissima censors, IMPERATRIX ALEXANDRA THEODORIS, sospites salvique seros in annos serventur incolumes; celsissimi PRINCIPES, Magni Rutheniarum Duces, AUGUSTORUM Parentum spes, patriæ subsidia, futuræ felicitatis pignora, omni genere bonorum, quibus felicitas in isto fastigio censetur, cumulentur. Hæc mea sunt, hæc, Auditores Amplissimi, Vesta, hæc omnium Russiarum vota.

## ADNOTATIONES.

<sup>(1)</sup> Vide «Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ». Соч. Барона Розенкампфа. Москва 1829. pag. 3—5.

<sup>(2)</sup> Леона Цара премудраго и Константина вѣрного Царю, главыны о совѣщаніи обручения, и о брачѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ.»

<sup>(3)</sup> In Synopsi Nomocanonis Ruthenici, quae inscribitur: «Обозрѣніе и проч.» pag. 94 sqq.

<sup>(4)</sup> Историческое изложеніе Русскаго Законодательства о наслѣдствѣ. Соч. Н. Рождественской. Спб. 1839.

<sup>(5)</sup> Const. Tanta. § 21, 22.

<sup>(6)</sup> Cf. Zepernick ad Casp. Achat. Beck diss. de Novell. Leonis. Halae 1779, 8 not. I. p. 25 et C. G. E. Heimbach de Basilicorum origine, fontibus, scholiis atque nova editione adornanda. Lipsiae 1825. p. 1—3; quos mesaepius verbotenus esse secutum, ingenue fateor.

<sup>(7)</sup> Leonem Isaurum, qui imperium ab a. Ch. 713, vel secundum aliorum computationem, ab a. 717 usque ad a. 741 tenuit, benignitate, modestia nec non sapientia insignem se praebuisse, historia testatur. Quod autem idem iconomachiae se immiscere non dubitaverit, et iniquo quodam et inconstanti animo modo iconomachus, modo iconoclastes exstiterit, vitio illi vertendum est, eo magis, quod Imperatorum, qui eum in regno antecesserunt, etsi de fidei dogmatibus alius aliter disputaverint, nemo unquam religiosum cultum et ecclesiae ritum lacessere ausus sit. Adfert tamen nonnihil excusationis, quod, crescente in dies prava superstitione et sacrarum imaginum cultu ab eadem contaminato, principis prudentia a solito moderamine facile avocari potuerit. V. «Исторія среднихъ вѣковъ» А. Циммермана. Спб. 1836.

<sup>(8)</sup> Constantinus V, cognomine Copronymus. Leonis Isauri filius et patris in regno censors, successit eidem in solio regali, quod usque ad a. Ch. 775 occupavit. Virtute bellica, solertia et morum comitate inclaruit. Ibid. — Cf. Cursus der Institutionen v. G. F. Puchta. I Band. Leipzig 1841. § CXLI pag. 689, 690 et : Историческое изложение и пр. Рождественской.

<sup>(9)</sup> In praefatione Leonis Philosophi Eclogae praemissa commemoratur manuale legum, tunc temporis usitatum, quod tamen conversio magis, quam collectio legum esse, et jam ab antecessoribus Leonis repudiatum fuisse dicitur. Imperatorem his verbis Isauri Eclogam intelligere, a vero non abhorre videtur. Leo V ob scientiarum et bonarum artium studia Philosophus, imo et sapiens dictus, a patre Basilio Macedone, una cum fratribus Constantino et Alexandro, Caesar dictus, ab anno Ch. 886 usque ad a. 911 regnavit.

<sup>(10)</sup> Cf. Suaresius in Notitia Basilicorum § II.

<sup>(11)</sup> Hujus Prochiri tres tantum Codices MSS. sibi innotuisse, Bienerus satetur, Vaticanicum scilicet, Taurinensem et Venetianum. Idem testatur, plurima memorata digna et quae Basilicorum historiae illustrandae sint, laudata præfatione contineri, concordantiam quoque rubricarum in singulis utriusque rectionis titulis notavit.

<sup>(12)</sup> Sub nomine Prochiri hoc loco posterior ejus recensio intelligenda est.

<sup>(13)</sup> Observat. VI. 10.

<sup>(14)</sup> Inveniuntur etiam Codices, qui, etiamsi solum Prochirum continere videantur, tamen recentiorum temporum Leges vel scripta immixta habeant; utpote sequiorum Imperatorum Novellas, aut fragmenta, ex Leonis Ecloga, Bal-samonis ad Photium Commentario, aliisve Canonistis, desumpta.

<sup>(15)</sup> In Notitia Basilicorum.

<sup>(16)</sup> Guil. Otto Reitzius in præfatione ad Harmenopuli Manuale Legum § 12, in Suppl. Thes. Meermanniani p. VI—XI; ubi etiam p. IX tabulae Prochiri ab eodem propositae sunt.

<sup>(17)</sup> In præfatione ad Manuale Basilicorum. Lipsiae 1819. pp. VII et VIII.

<sup>(18)</sup> In «Geschichte der Novellen Justinians» pp. 131—133.

<sup>(19)</sup> L. c. pag. 95.

<sup>(20)</sup> In Leunclavii Jure Graeco-Romano. Tom. II. p. 79—130, a Marqu. Frehero.

<sup>(21)</sup> In notis ad novam Suaresii Notitiae Basilicorum editionem. p. 5—13, 35—46.

<sup>(22)</sup> In libro, qui de Novellis Leonis inscribitur pp. 18, 20 et 373—391.

<sup>(23)</sup> L. c. p. 95—102 et 113—116.

<sup>(24)</sup> Haud scio, an controversia haec, a doctissimis viris tam diu agitata, post editum nuper a Zacharia Prochirum tandem sedata sit; valde tamen doleo, laudatum librum, in tractando argumento meo certe utilissimum, mihi defuisse.

<sup>(25)</sup> Idem fontem sui ipsius libelli 40 titulis absolutum fuisse tradit, quod autem potius de Leonis Ecloga intelligendum est, quam de Prochiro, quod 60

titulos complexum fuisse, jam Cujacius (in Observ. Libr. VI cap. 9), et, qui eundem secuti sunt, Jac. Gothofredus et Freherus monuerunt.

(<sup>26</sup>) Quod ipse observavit in Praef. ad Harm. in Suppl. Th. Meerm. p. VI.

(<sup>27</sup>) Legem politicam (Градский закон) in omnibus nostris Codicibus MSS. jam inde a seculo, XIII præfatione et inscriptione carere, testatur Rosenkampfius l. c. in nota 91, pag. 85.

(<sup>28</sup>) Etiamsi Rosenkampfius aliter sensit et in Lege Politica Prochirum inesse putavit, protulit tamen quædam, quæ ad ipsum refellendum et ad nostram sententiam corroborandam non parum faciant. Affirmat enim (l. c. p. 95), se novissimae Harmenopuli editionis titulos, astericis notatos (quos ex Ecloga receptos esse supra demonstravimus) cum titulis Capitis XLVIII contulisse, utrosque concordantes inter se invenisse. Idem testatur in Nomocanonis Ruthenici Cap. XXXVI quosdam locos (13, 14, 15) legi, qui ex Prochiri titulo 8-vo hausti dicantur; hos tamen locos neque in Graecis Prochiri Codicibus neque in «Lege politica» inveniri, extare autem verbotenus in tit. 8 Eclogae Leonis. Afferit idem (in notis 132 et sqq) Cap. XLVIII titulum 40-m «de spoliis dividendis» plane congruere cum texto Graeco, qui legitur in Harmenopuli Hexabiblio II § 6 (astericis signato). Idem notat, pinacem 40 titulorum, qui in præfat. ad Harmenopulum, p. IX in Suppl. Th. Meerm. legitur, in omnibus congruere cum Nomocanonis Cap. XLVIII; hunc vero Indicem, a Reitzio exhibitum, nonnisi Eclogae accommodari posse, ex 1-mo et ultimo ejusdem titulis patet. — Codex denique Vind. jur. gr. № 18 exhibit fragmentum Eclogae de nuptiis, cuius 1-mus titulus est «de matrimonii rigore», qui et in Hexabibili lib. 4. cap. 5, et in Nomocanone Ruthenico (грань пятая с извещением брака грань 5) legitur, et cuius prima verba sunt. «Quae voluntate patris matrimonium contraxit, potest etiam adversus patris voluntatem in conjugio permanere. Quem autem titulum non in Prochiro, sed in Ecloga extare ex laudato Reitzii pinace videre licet.

(<sup>29</sup>) Convenit quidem 1-mus titulus hujus capitilis cum titulo XI, edito apud Leunclavium IGR. II. p. 100; sicut 2-dus cum p. 101—107; 3-tius cum p. 107; 4-tus cum p. 107 et 108; 5-tus cum p. 108—110 et 6-tus cum p. 110 et 111; qui vero sequuntur tituli, non congruent cum IGR. paginis, ita ut Leunclavius, si quidem id, quod apud eum legitur, Isauri Ecloga est, alia ejus recensione usus esse videatur.

(<sup>30</sup>) Ecloga Leonis Isauri et Constantini Copronymi integra reperitur in Codicibus: 1) Laurent. IX, 8. 2) Bodlej. 264, 18. 3) Monac. gr. 309. 4) Paris. gr. 1788. qui et inscriptione et prooemio caret, et 5) Mosq. (Ss. Synodi) 56, 30.

- (<sup>31</sup>) Series titulorum in laudatis (not. 30) Græc. Codd. MSS. hæc est:
- Tit. I. De contrahendis et solvendis sponsalibus.
  - II. De matrimonio licto et prohibito, primo ac secundo, cum scriptura vel sine scriptura contracto, ejusque solutione.
  - III. De dote cauta et non numerata, et de jure dotis.
  - IV. De donationibus per scripturam vel sine scriptura factis, simplicibus, hoc est confessim usum ac proprietatem rerum, vel proprietatem earum solam in aliquem conferentibus, vel post mortem alicui relictis, et de causis, ex quibus hujusmodi donationes rescinduntur.
  - V. De personis testari prohibitis, et de testamentis per scripturam vel per nuncupationem faciendis.
  - VI. De successionibus ab intestato, deque legatis, et de his, qui ut indigni hæc amittunt.
  - VII. De pupillis relictis, deque horum cura.
  - VIII. De manumissionibus, et de libertis ad servitatem revocandis.
  - IX. De venditione et emptione, quæ cum scriptura vel sine scriptura fit, deque arrhis earum.
  - X. De mutuo per scripturam vel sine scriptura contracto, et de pignoribus propterea datis. De societate.
  - XI. De deposito.
  - XII. De emphyteusibus perpetuis et tempore circumscriptis.
  - XIII. De conductione, quæ per scripturam vel sine scriptura fit.
  - XIV. De testibus fide dignis aut non admittendis.
  - XV. De transactionibus validis aut rescissis.
  - XVI. De bonis acquisitiis et castrensis lucris militum, qui alieno juri subjecti sunt, deque clericis, chartulariis et reliquis militantibus, nec non de paganis peculiis filiorum familias.
  - XVII. De poenis in criminalibus causis.
  - XVIII. De partitione spoliorum.
- Collatio hujus Indicis cum rubricis titulorum Nomocanonis typis expressi.*

Codd. gr.

Tit. I—IV

» V

» VI

Корм. кн. С

Зач. 1—4 (а)

» 5

» 7

Codd. gr.

Tit. VII

» VIII

» IX

Корм. кн.

Зач. 18

» 9

» 10

Codd. gr.	Корм. кн.	Codd. gr.	Корм. кн.
Tit. X	Зач. 11	Tit. XV	Зач. 15
" XI	" 12	XVI	" 61
" XII	deest	XVII (b)	
" XIII	" 13	XVIII	" 16(c)
" XIV	" 14		" VI

NOTAE. a) Titulus 4-tus (Зачатокъ 4-й) aliquam perturbationem pas. us esse videtur; quartum enim capitulum ejus (о послушествѣ), cum de jure dotis tractet, ad titulum tertium referendum est. Porro rubrica 2-di capituli (de re scissione donationum), quae eadem est cum rubrica 4-ти capituli, cum argumento ipsius capituli, quod de donationibus simplicibus tractat, non convenit.

b) Rubrica hujus tituli, qui de poenis in criminalibus causis agit, in Nomocanone deest, quae autem in hoc titulo proponuntur, in Nomocanonis titulum 16-m, inde a capit. 3-to usque ad capit. 45-m, transiisse videntur; nisi forte haec omnia ex Lege poenali (Законъ Судный) hausta sint, quae, exemplo Graecorum, Nomocanonibus saepissime adjici solebat.

c) Priora duo capitula hujus tituli usque ad verba «тако бо и глано» plane congruunt cum Codd. Graecis; quod vero sequitur, et in his et in Codice, qui »Riasanus» inscribitur, (Рязанский хараетъный списокъ) deest.

d) Praeter laudatos (30) quatuor priores Codices, qui omnes eundem titulorum ordinem exhibent et nonnisi lectionum varietate inter se differunt, exstant adhuc nonnulli Codices, in quibus, praeterquam quod ordo et titulorum et capitum in singulis titulis perturbatus est, alia aliunde fragmenta admixta et appendices additi reperiuntur. Ejusmodi Codicibus, quos privatorum hominum arbitrium immotavit, Codicem Paris. gr. 1391 adnumerandum esse puto; quippe quia, licet in ipsis titulis nihil praeter textum genuinae Eclogae habeat, privatae tamen Eclogae indolem prae se fert. Nam absolvitur ille 19 titulis, et habet titulum 2-m Eclogae in duos divisum. Praeterea adjecta est 1-mo titulo peculiaris genuinae Eclogae in duos divisum. Praeterea adjecta est 1-mo titulo peculiaris rubrica «de orbis», et titulum «de personis testari prohibitis», excipit titulus «de bonis acquisitiis et castrensis lucris». Cum eadem haec et in Nomocanone ita se habeant, aliquam similitudinem inter utrosque intercedere, nemo non videt; quare, collationem indicum hoc loco proponere, operae pretium duxi.

Cod. Par. gr. 1391.  
Tit. 1  
" 2  
" 3

Корм. кн.  
Зач. 1  
" 2  
" 3

Cod. Par. gr. 1391.  
Tit. 4-1. pas  
" 5  
" 6  
" 7

Корм. кн.  
VI-Зач. 3  
" 4  
" 5

Cod. Par. gr. 1391.	Корм. кн.	Cod. Par. gr. 1391.	Корм. кн.
» 7	» 6	» 14	deest
» 8	» 7	» 15	" 13
» 9	» 8	» 16	" 14
» 10	» 9	» 17	" 15
» 11	» 10	» 18	vide supra (not b)
» 12	» 11	» 19	" 16
» 13	» 12		

(<sup>32</sup>) Cf. Исторія Русскаго народа. Москва 1829. Т. I. стр. 92—97.

(<sup>33</sup>) Cf. Pauli Beckeri, Oratio de caassis quibusdam, cur in Russia litterae Latinae ordini juris studiosorum necessariae sint. — О мѣстныхъ Бессарабскихъ законахъ. Рѣчь, произнесенная Владиміромъ Линовскимъ. — Cf. etiam Oratio N. Krilowii. «Объ историческомъ значеніи Римскаго Права въ области науки юридическихъ». Москва 1838.

(<sup>34</sup>) Cf. Nestor (по Никоновскому списку) p. 105, 106. — Priscus Graecorum Nomocanon exstat in B. j. c. Voellii et Justelli I pag. 29 sqq. et inscribitur : Prisca Collectio Canonum etc (Latine) et Codex Canonum Ecclesiae universae (Graece).

(<sup>35</sup>) Slavis, meridiem versus colentibus, temporis ratione habita, in vertendis Nomocanonibus priores partes merito tribuuntur. Illorum enim opera prodierunt 1) versio Nomocanoris Jo. Scholastici, sub finem seculi IX in usum Bulgarorum confecta, quae omnium iudicio vetustissima habetur ; 2) versio a Cyrillo vulgata ; 3) versio ex Aristheni recensione, seculo XIII Kiovia Riasanum transmissa ; 4) versio sub finem XIV sec. a Cypriano confecta ; et 5) versio, quae legitur in Libro Niconis Nigri montis. Inter versiones indigenas laudatur versio Epiphanii Slavinitzii, ex recensione Balsamonis.

(<sup>36</sup>) Cf. Oratio N. Krilowii (<sup>33</sup>) laudata, ubi, quae ad genuinam Juris Graeco-Romani indolem declarandam valeant, tam ingeniose pertractantur, ut profecto auctoris vestigia pressurus essem, nisi expilatoris notam effugere vellem.

in Pinto Viscoso's *Vivir* movie, later *Leyendas de la Independencia* (legendary), as *Leccenizos* (persimmons).

monetary assets like business assets, real estate, securities, and so on, do not have as genuine value as physical assets.

**KOBAYASHI** *et al.* / **Chemical Composition of *Artemisia princeps*** 103

НАЧАЛЬ И ОБРАЗОВАТЕЛЯХЪ  
ЯЗЫКА  
**ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО.**

## ПРОФЕССОРА КОНСТАНТИНА ЗЕЛЕНЕЦКAGO.

СЪПѢТЕВОДСТВО И СЪДРЖАНИЕ  
АЖИСР.  
ПЕРКОНО-СЛАВЯНСКАГО.  
ДРГ  
ОДНОВЪДЕЛЬСКІЙ АНГЛІАТСКОЙ АФІЕФОНІІ

— 2 —  
— вѣдь овѣи члѣвъ да то энѣе боѣ гиотъ да ахъдѣтъ хванийахъ  
гименіо, амъкоцнитвиметене съ ахъдѣтои отъ, гэви у ыненатсвн  
вінафѣ вѣротъ кѣтѣкълѣдѣнѣи. 6. вѣттитуно ышнепа пінагодо ахн  
вінору и пінун азънъ отъ амъшатэли ици, пыдотои, адуфтъ ви  
емъшнамъ, пінагодо азънъ и оиннини ұмоннокъсътвѣдъ овѣастедѣпн  
тоскѣдѣ.  
— вѣттес азънъ ази, онто атээ вѣрағы зондніи. 7.—онахдѣ.  
— вѣттес вітапевѣ и вітапевѣдѣ підотэн да пінору ахъдѣтъ  
жтннъ и віненіи, якъ жтннъ відненіи ато олнръон оно зондъ віткѣд  
— вѣттес. Удостоенный чести занять внимание Ваше, милостивые госуда  
ри, я понимаю всю трудность моего настоящего положения. Въ наше  
время общество не довольствуется, со стороны ученыхъ, одними отвлѣ  
ченностями и еще менѣе общими мѣстами и пустыми восклицаніями.  
Оно требуетъ знанія положительного, отчетливаго, сколь возможно  
близкаго къ самой жизни, къ фактамъ самой дѣйствительности. Оно  
удовлетворяется вполнѣ, если къ этимъ условіямъ присоединяется  
еще национальность содержанія и самостоятельность въ возрѣніи.  
Вотъ почему предметомъ настоящего изложения избранъ мною  
языкъ нашей Церкви, въ обыкновенно называемый Церковно-Сла  
вянскимъ. Предметъ сей не можетъ не быть занимателенъ для  
Русскаго, въ сердцѣ коего православіе служитъ всегда однимъ изъ  
главнѣйшихъ двигателей. Цѣлью моей было представить въ системе  
матическомъ, возможно-полномъ видѣ результаты тѣхъ разнообраз  
ныхъ и многостороннихъ изслѣдований о языкѣ Церковномъ, кото  
рыя болѣе или менѣе разсѣяны въ сочиненіяхъ новѣйшихъ изыска  
телей по этой части. Недостатокъ средствъ и материаловъ приуж  
даетъ меня ограничиться этой скромной цѣлью; но свѣдѣнія о но

вѣйшихъ трудахъ въ этомъ родѣ еще столь новы, столь мало распространены у насъ, что потребность въ систематическомъ, общемъ ихъ обозрѣніи вполнѣ ощутительна. Этимъ опредѣляется точка зрењія на трудъ, который, при настоящемъ торжествѣ науки и ученія, представляю благосклонному вниманію и суду вашему, милостивые государи.

Церковно-Славянское нарѣчіе есть одно изъ самыхъ замѣтныхъ явлений въ исторіи образованія и развитія языковъ. Все бытіе свое оно получило отъ перевода книгъ св. писанія и книгъ церковныхъ на одно изъ Славянскихъ нарѣчій юго-восточной отрасли. Посему, первоначальномъ родникѣ своемъ, языкъ этого перевода заключалъ въ себѣ живое народное слово. Въ книжной же обработкѣ фразы и выраженій внесены были въ него слова и формы Греческія. Божественности содержанія сплавила эти двѣ разнородныя стихіи языка въ одно цѣлое, которое, всего непредѣльно, характеризуется своимъ обыкновеннымъ названіемъ языка или нарѣчія Церковно-Славянскаго. Ни у одного изъ Славянскихъ племенъ нарѣчіе это не служитъ языкомъ народнымъ, ибо у всѣхъ православныхъ оно есть языкъ Церкви. И этотъ языкъ Православія никогда не оставался языкомъ мертвымъ, подобно Латини Запада. Получивъ начало въ живомъ словѣ парода, онъ и въ послѣдствіи не разлучался съ нимъ. Такимъ образомъ, хотя въ Болгаріи, Сербіи и Россіи языкъ церковный оставался всегда однимъ и темъ же, чemu доказательствомъ служатъ наши нечтия церковныя книги, распространенные въ новое время въ этихъ земляхъ и равно доступныя всеобщему пониманію, — въсюду однакожъ въ этихъ земляхъ, языкъ Богослужебный имѣлъ вліяніе на языкъ народнаго находился съ нимъ

въ живой и постоянной связи. Ближайшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить нашъ Русскій языкъ, который съ теченіемъ времени принялъ въ себя столь многое изъ языка церковнаго. Да-льѣ, во всѣхъ этихъ странахъ, языкъ церковный, въ свою очередь, подвергался вліянію языка народнаго. Онъ былъ въ употребленіи у всѣхъ восточныхъ Славянъ, въ кругу духовенства и людей книжныхъ. На немъ исключительно писали они. Изъ книгъ, составлявшихъ его письменность, черпали они всѣ тѣ изрѣченія, которымъ хотѣли придать особенную силу въ обыкновенномъ разговорѣ. Духовенство не только въ проповѣдяхъ и поученіяхъ, но и въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ мірянами, употребляло выраженія изъ книгъ церковныхъ и возвышало этимъ достоинство и тонъ рѣчи. Такимъ образомъ языкъ церковный, нечувствительно сближался съ народнымъ и устранился всякая возможность принимать первый изъ нихъ за какое нибудь нарѣчіе, чуждое общественному пониманію и извѣнію принесенное. Народъ принималъ это нарѣчіе за свое собственное, хотя за такое, которое посвящено Господу и его Церкви и слѣдовательно возвышается особымъ величiemъ и прелестью. Все это подтверждаетъ слова, сказанныя нами выше, что церковный языкъ не былъ никогда языкомъ мертвымъ, какимъ считали его никогда и некоторые. Въ каждомъ изъ Славянскихъ племенъ, которыхъ употребляютъ его, онъ находился въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ языкомъ народнымъ, подвергалъ его своему вліянію и, въ свою очередь, самъ дѣлалъ уступки и сближался съ нимъ. Эти уступки и сближенія были одинаковы съ его стороны гораздо маловажнѣе, нежели со стороны противной. Оттого то хотя въ позднѣйшее время и произошла разница между Церковно-Славянско-Рус-

скимъ, Церковно-Славяно-Сербскимъ и Церковно-Славяно-Болгар-  
скимъ языкомъ; но разница эта была слишкомъ незначительна, такъ  
что, какъ мы уже упомянули, Церковныя книги нашей Русской  
редакціи и печати могли совершенно удобно служить въ Болгарії  
и Сербії. Незначительность этого различія объясняется тѣмъ, что  
первоначальный источникъ былъ одинъ и тотъ же. Тѣ, которые назы-  
ваютъ церковный языкъ мертвымъ, не могутъ указать на ту  
эпоху, когда изъ живаго превратился онъ въ мертвый. Кириллъ и Ме-  
ѳодій не могли сдѣлать этого трудомъ своимъ: они только возвысили  
простой, народный языкъ на степень богослужебнаго и дали ему  
особый отливъ, въ сълѣдствіе Греческаго подлинника книгъ Св. Ни-  
санія.

Языкъ церковный имѣть свою письменность и литературу, которой развитіе продолжается и нынѣ, именно въ духовныхъ сочиненіяхъ православныхъ учителей Церкви. Отличіемъ этой литературы отъ всякой другой служитъ ея святость, божественное премудрое помысловъ и возвышенность стиля. Для насъ изученіе Церковно-Славянскаго языка, его исторіи, литературы и судебъ важно и поучительно и всего болѣе. Вспомнимъ, что это языкъ нашей Церкви и предковъ; что онъ имѣлъ прѣкое и продолжительное вліяніе на все наше народное образованіе; что онъ много содѣйствовалъ освобожденію нашей письменности отъ вліяній иноземныхъ.—Въ настоящемъ случаѣ, прежде всего мы обратимъ вниманіе на вопросъ: гдѣ и кѣмъ первоначально совершено было переводъ книгъ, написанныхъ на Славянский языкъ и разсмотримъ его критически.

Въ кругу западно-Славянского духовенства долго существовало мнѣніе — отчасти поддерживаемое и теперь — будто переводъ книгъ св., писанія на Славянскій языкъ совершилъ былъ еще въ IV вѣкѣ блаженнымъ Иеронимомъ, уроженцемъ Далматскимъ: изобрѣтшімъ будто-бы и азбуку Славянскую<sup>(1)</sup>. Въ подтвержденіе этого, приводятъ слова самого Иеронима, сказанныя имъ въ посланіи къ иѣкоему Софонію: « со всевозможнымъ стараніемъ исправя не-реводъ св. писанія, я давно уже передавъ его людямъ языка мо-«его.» Тѣже почти слова повторяетъ блаженный Иеронимъ и въ дру-гихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Въ этихъ словахъ выражение: «людямъ языка моего» конечно весьма важно. Кого разумѣеть подъ ними авторъ? Самъ онъ былъ родомъ изъ Далмациі, но въ то время, именно въ IV вѣкѣ, въ этой земль не было еще Славянского пле-мени, которое какъ известно, переселилось туда изъ своихъ первона-чальныхъ жилищъ великой Сербіи и Болгаріи, только въ царство-ваніе Императора Ираклія, между 610 и 611 годами. При томъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, и именно изъ Эразма Ротердамскаго,

(\*) Въ изслѣдованіи г. проф. Новицкаго: « О первоначальномъ переводаѣ св. Писанія на Славянскій языкъ » статья о томъ, что не бѣ Церониму принадлежить этотъ переводъ отѣблана съ большими искусствомъ и ученостью. Намъ оставалось только привести ея результаты.

знаемъ мы, что блаженный Иеронимъ былъ происхожденiemъ Римлянинъ и природнымъ языкомъ своимъ имѣлъ Латинскій. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ нигдѣ не говоритъ, что знаетъ языкъ Славянскій, а тѣмъ менѣе, что сдѣлалъ на него какой либо переводъ церковныхъ книгъ. Изъ сочиненій этихъ напротивъ съ очевидностью можно усмотрѣть, что ему извѣстны были только три языка: Еврейскій, Греческій и Латинскій. На сей то послѣдній совершилъ онъ свой переводъ св. писанія, который извѣстенъ подъ именемъ Вульгаты. Слѣдовательно, мѣста въ сочиненіяхъ блаженнаго Иеронима, подобные вышеозначеннымъ, по здравому смыслу, должно относить не къ Славянскому, но къ Латинскому переводу книгъ св. писанія. Наконецъ изъ самой жизни блаженнаго Иеронима нельзя не видѣть, что мужъ этотъ жилъ постоянно въ Римѣ и на Востокѣ; въ зрѣломъ возрастѣ не посещалъ земель Славянскихъ и занятъ былъ вообще экзегетическими трудами надъ св. писаніемъ, которое перевелъ на господствовавшій тогда Латинскій языкъ. По всему видно, что онъ, хотя и родился въ Далмации, мало обращалъ вниманія на Славянъ. Несправедливо также приписывали блаженному Иерониму изобрѣтеніе такъ называемой Глаголито-Славянской азбуки, которая долго носила его имя и которая составляетъ нынѣ предметъ глубокомысленныхъ разысканій многихъ Славянофиловъ. Мы будемъ имѣть случай говорить о ней далѣе.

Умалчиваемъ о прочихъ обстоятельствахъ, которые приводимы были въ подтвержденіе Славянскаго перевода книгъ св. писанія, сдѣланного будто бы въ Западной церкви. Таково на-примѣръ преданіе о распространеніи христіанской вѣры въ V столѣтіи у Скиѳовъ, разумѣя подъ ними Славянъ,—преданіе, которое, будучи нео-

предѣлительнымъ само по себѣ, ни мало не говоритъ въ пользу Иеронимова перевода. Таково еще сказаніе нѣкоторыхъ Богемскихъ писателей XVI ст. и между прочимъ Дубровскаго и Велеславина, о томъ, что Богемцы изстари считали блаженнаго Иеронима переводчикомъ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ, и что этому вѣрилъ и знаменитый благодѣтель Богеміи, Императоръ Карлъ IV. Все это сказаніе, равно какъ и вѣрованіе Императора, не представляетъ собою никакого исторически-достовѣрнаго основанія.

Прежде нежели мы перейдемъ къ доказательствамъ того, что переводъ книгъ св. писанія составляетъ достояніе преподобныхъ мужей Кирилла и Меѳодія, изложимъ еще мнѣнія о томъ, что изобрѣтеніе Славянской азбуки и начало перевода, хотя и не принадлежать блаженному Иерониму, но все таки относятся ко временамъ до-Кирилловскимъ и совершены въ Восточной Церкви.

Предположенія о первобытной Славянской азбукѣ велись еще съ давнихъ временъ. Такимъ образомъ еще Странскій думалъ, что какое то особое древне-Русское (ruthenische) письмо было въупотребленіи у древнихъ Богемцевъ. У насъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, многіе твердили о такъ называемой Рунной азбукѣ, будто бы первобытной Славянской; говорили, что ею написаны были какія то провѣщаанія Новгородскихъ языческихъ жрецовъ; и утверждали, что Кирилль и Меѳодій составили свою азбуку изъ этихъ рунъ съ прибавленіемъ только нѣкоторыхъ буквъ изъ Греческой и другихъ азбукъ, подобно тому какъ епископъ Ульфиласъ составилъ особую готическую азбуку изъ сѣверныхъ рунныхъ, Греческихъ и Латинскихъ буквъ. Но переходимъ къ мнѣніямъ болѣе важнымъ и научнознаниемъ.

— I — Раковецкій, при изданіи Русской Правды, высказалъ мнѣніе, что образованность Славянъ, ихъ письмена и даже переводъ книгъ св. писанія на ихъ языкъ относятся ко времени гораздо болѣе раннему, нежели то, въ которое жили преп. Кириллъ и Меѳодій. «До сихъ не дошло, говоритъ Раковецкій въ первой части своего труда<sup>(2)</sup>, письменныхъ памятниковъ Славянскаго язычества<sup>(3)</sup>. Когда Славяне приняли Христіанство, библейскія и церковныя книги переведены были съ Греческаго на ихъ языкъ. Этотъ переводъ есть единственный памятникъ, по которому можно судить о томъ, каковы были свойства языка Славянскаго до принятія христіанства. Кто основательно изучить древній церковно-Славянскій языкъ и сравнить съ нимъ другія единоплеменныя нарѣчія, тотъ убѣдится, что языкъ этотъ представляетъ собою неисчерпаемый источникъ для дальнѣйшаго обогащенія всѣхъ ихъ. При томъ свѣдѣнія о древнихъ Славянахъ имѣемъ мы не отъ собственныхъ, но отъ чужеземныхъ писателей, которые вообще называютъ Славянъ грубымъ и дикимъ народомъ и неохотно приписываютъ имъ лишь нѣкоторыя качества, какъ то: храбрость, правоту, гостепріимство и друг. Языкъ Славянскій называютъ они просто *lingua barbarica*. Чацкій, Ломоносовъ и друг. говорятъ, что Славянскій языкъ тогда только получилъ прочное основаніе, когда обогатился переводомъ книгъ св. писанія. Соглашаясь съ этимъ, спрашиваю однако же: возможно ли, чтобы св. писаніе, въ которомъ такъ много высокихъ понятій и есть цѣлья книги, написанныя возвышеннымъ, поэтическимъ

(2) I. V. Rakowiecki Prawda Russka. Watch 1820—22, Ч. I. стр. 57 и слѣд.

(3) При изданіи первой части этого труда не были еще известны памятники Богемской письменности, относящіеся къ языческимъ временамъ и открытые Ганкою.

слогомъ, могло быть переведено на языкъ до того времени необразованный и дикий и переведено съ такою легкостью, силою и прелестью<sup>(4)</sup>? Былъ ли возможенъ этотъ переводъ безъ готоваго запаса словъ и выражений? Извѣстно, что языкъ совершенствуется постепенно, вмѣстѣ съ успѣхами образованности; а Славяне отличались ею еще съ древнѣйшихъ временъ. За-долго до принятія Христіанства они имѣли города, села, занимались торговлею и ремеслами и были хотя язычниками, но не варварами. Все это необходимо вѣдеть къ предположенію, что и языкъ ихъ былъ образованъ. Подтвердить это можно положительными фактами. Отъ языческихъ Славянъ дошло до насъ много словъ и выражений, относящихся къ гражданской и частной жизни; а это самое показываетъ, что языкъ ихъ очевидно сохранилъ следы своего первобытнаго происхожденія. Обратимъ вниманіе на названія мѣсяцевъ, бывшія у нихъ въ употребленіи за-долго до Р. Хр., на множество сильныхъ словъ, оборотовъ и выражений, на высокіе и изящные эпитеты Существа Высочайшаго, которые встрѣчаемъ въ библіи. Могъ ли грубый, варварскій народъ имѣть столь много собственныхъ выражений, чтобы прямо приступить къ переводу св. книгъ?

«Можно также думать, продолжаетъ Раковецкій, что Славяне, до принятія Христіанства, обладали не только искусствомъ письма, но и многими письменными произведеніями. Могли-ли жрецы Славянскіе не имѣть книгъ, послужившихъ основаніемъ позднѣйшему гражданскому праву этого народа? Могъ ли самъ народъ не передать потомству

(4) Справедливость требуетъ замѣтить, что въ наше время св. писаніе переведено на множество языковъ, даже самыхъ необразованныхъ и грубыхъ. Но хорошо ли? Вотъ въ чемъ вопросъ.

своихъ героическихъ преданій? Если у Американцевъ находимъ слѣды письменъ, то почему не предположить ихъ у Славянъ, народа, который имѣть столь-же древнюю образованность <sup>(5)</sup>?

«Изъ всего этого, говоритъ нашъ авторъ далѣе, можно заключить, что Славяне еще до Кирилла и Меѳодія имѣли свои письмена. Противъ этого конечно возстанетъ строгій, притязательный критикъ и спроситъ: гдѣ этѣ книги; отчего не дошли онъ до насъ, подобно Европейскимъ, Греческимъ, Латинскимъ, Арабскимъ и проч.» Тутъ Раковецкій подробно изложилъ какимъ образомъ не только памятники Славянского язычества, но и многія позднѣйшія Церковныя рукописи, истреблены были пламенемъ, которое распространяли по Славянскимъ землямъ завоеватели. За симъ онъ продолжаетъ: «Исторія говоритъ, что многіе Славяне издавна находились при дворѣ Византійскомъ; что напримѣръ, въ VIII вѣкѣ Славянинъ Никита былъ Патріархомъ Константинопольскимъ. Это заставляетъ думать, что съ VIII столѣтіи многіе изъ Славянъ были уже христіанами. При томъ за долго до Кирилла и Меѳодія Славяно-Сербы жили въ Македоніи, гдѣ и до нынѣ находится городъ Сербіца, неподалеку отъ Фессалоникъ, и имѣли въ странѣ этой свои монастыри, въ которыхъ иноки могли служить литургію на отечественномъ языке. Изъ среды ихъ конечно избраны были Константинъ и Меѳодій. Мужи сіи взяли съ собою, продолжаетъ Раковецкій, уже готовыя богослужебныя книги и только дополнили, списали и распространили ихъ на Западѣ. Выше сего уже замѣчено было, что

<sup>(5)</sup> Отъ древнихъ Американцевъ дошли до насъ слѣды именно того письма, которое предполагаетъ собою невозможность всякой письменности. Письмо это, какъ известно, есть изобразительно-символическое.

Славяне еще до Кирилла и Меѳодія имѣли письмо. Слѣдуеть обратить вниманіе еще на невѣроятность того, чтобы Кириллъ и Меѳодій, безъ предварительныхъ покушеній и опытовъ, установили Славянскую азбуку и ея правописаніе, въ такомъ видѣ, въ какомъ существуютъ они и доселе.» — Что сказать о всѣхъ этихъ догадкахъ Раковецкаго? Очевидно все его мнѣніе основано на чистомъ предположеніи, которое не имѣетъ никакого исторического, положительного основанія. Это гипотеза и ничего болѣе.

Венелинъ, извѣстный своими рѣзко-оригинальными догадками, во второмъ томѣ сочиненія: «Древніе и нынѣшніе Болгары» утверждаетъ, «что св. писаніе переведено въ первый разъ на Славянскій языкъ не Кирилломъ и Меѳодіемъ, а гораздо прежде ихъ». Принимая Готоовъ за племя Славянское и находя еще въ IV вѣкѣ епископовъ Готоскихъ и Соборы въ Панноніи, онъ полагаетъ, что Христианство было извѣстно Славянамъ въ IV вѣкѣ. Переводъ библіи, сдѣланный Готоискимъ епископомъ Ульфиласомъ, онъ также готовъ принять за Славянскій. «Кириллъ и Меѳодій, говоритъ онъ <sup>(6)</sup>, за-слоняютъ собою не только исторію Славянскихъ письменъ, но и подлинную эпоху крещенія самихъ Словенцевъ. Обращеніе Панноніи и введеніе въ ней Славянскаго Богослуженія также несправедливо приписано позднѣйшими св. Меѳодію, какъ и изображеніе Греческаго устава и нѣсколькихъ глаголическихъ буквъ, коими наполненъ Греческій алфавитъ, приписано св. Кириллу.» Ссылками на разныхъ писателей, на Прокопія, Іордана, Кесарія, брата св. Григорія Назіанзинскаго, на Амміана Марцеліна и другихъ, силится онъ доказать существование до-Кирилловскаго, Славянского Богослуже-

<sup>(6)</sup> Отечественные Записки. 1839. Томъ 2. Отдѣленіе 2. страница 1 и слѣдующія.

нія и азбуки. Но у писателей этихъ нигдѣ не говорится объ этомъ предметѣ прямо, положительно. Венелицъ умозаключаетъ посредствомъ разныхъ выводовъ и соображеній, произведенныхъ съ большими натяжками. Такъ напримѣръ, необходимость крещенія Славянъ задолго до Кирилла и Меѳодія основываетъ онъ на томъ, что народъ этотъ еще въ IV и V столѣтіяхъ жилъ въ Панноніи и Ретіи и слѣдовательно не могъ не участвовать съ Латинами въ принятіи Христіанской вѣры;—далѣе, на томъ, что у Паннонцевъ (Словенцевъ) были свои епископы, изъ коихъ два засѣдали на Соборѣ Сирмійскомъ, въ 357 году;—на томъ, что еще Кесарій, братъ Григорія Назіанійскаго, различаетъ между Словенами и Физонами такихъ, которые употребляютъ въ пищу мясо и груди животныхъ, и такихъ, которые не дѣлаютъ этого и стало быть соблюдаютъ посты, и наконецъ на другихъ обстоятельствахъ, которыхъ также не имѣютъ прямой, документальной силы и важности.

Мнѣніе профессора Бодянскаго, высказанное имъ лѣтъ за пять предъ этимъ<sup>(7)</sup>, принадлежитъ также къ этой категоріи. Въ 1839 г. былъ онъ въ Райградѣ, монастырѣ св. Бенедикта, близъ города Брюнна. Здѣсь онъ имѣлъ случай разматривать рукопись *Martyrologium Odonis*, писанную на Латинскомъ языке, въ царствованіе Карла Великаго и нашель въ числѣ другихъ приписокъ, находящихся на поляхъ этой рукописи, Греческое слово *λαβρια*, писанное нашими древне-Славянскими буквами. Въ этомъ словѣ, всеѣ буквы, по свойству и происхожденію своему, сходны съ Греческими, кромѣ послѣдней *ᾳ*, которой нѣтъ въ Греческой азбукѣ и которая составляетъ достояніе собственно-

(7) Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія. 1839. Августъ.

Славянской. Это показываетъ, что слово писано именно Славянскими буквами. Поелику же рукопись писана въ сколькими десятками лѣтъ прежде Кирилла и Меѳодія, то слово это, говоритъ г. Бодянскій, «есть самый древній», сколько намъ известно, памятникъ Кириллицы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свидѣтельство, что предки наши Славяне знали уже азбуку, названную потомъ Кирилловскою, Кириллицей, еще до Кирилла и Меѳодія.» Замѣтимъ впрочемъ, что къ старинной рукописи одно какое либо слово могло быть приписано гораздо позднѣе. Для объясненія этого события, продолжаетъ г. Бодянскій, не остается другаго средства, какъ допущеніе того мнѣнія, что Солунскіе братья не были первыми нашедшими и употребившими нашу азбуку; что она еще до нихъ была въ ходу у Греческихъ Славянъ, которые, какъ сосѣди Грековъ, находясь въ безпрерывныхъ съ ними сношеніяхъ, естественно не могли не употреблять Греческой азбуки для выраженія своихъ мыслей на родномъ языке, мало заботясь впрочемъ о правописаніи и писа по своему усмотрѣнію и знанію; что сначала эта азбука была очень несовершенна и больше походила на Греческую, чѣмъ на отдельную, самостоятельную; что наконецъ Константий и Меѳодій, рѣшась быть просвѣтителями Славянъ Христіанскою вѣрою, не выдумали новой азбуки, по взяли бывшую въ ходу, по крайней мѣрѣ известную уже отчасти, *дополнили и усовершили ее.*» Далѣе, въ подтвержденіе своего мнѣнія, г. Бодянскій приводитъ слова Черноризца Храбра, который, какъ обыкновенно полагаютъ, жилъ и писалъ въ X или XI вѣкѣ и который между прочимъ говоритъ: «Прежде убо Словѣне не имаху книгъ, по чрѣтами и рѣзями чтияху и гадаху погани суще; крѣстивше же ся рымъ-

«скими и гръцкими письмены нуждахуся писати, Словѣнска рѣчъ «бѣ не устроена. И тако бѣша многа лѣта; потомъ же человѣко- «любецъ Богъ послалъ имъ св. Константина философа, нарицаемаго «Кирилла, мужа праведна и истинна и сотвори имъ письмена, ова же «по Словѣнствей рѣчи.» Отсюда видно, что праотцы наши не вѣ- рили, чтобы только Константина и Меѳодій были первыми изобрѣ- тателями Славянскаго письма, но что еще до этихъ мужей употреб- лялись у нихъ сперва чрѣты и рѣзи, а потомъ у однихъ Римское, а у другихъ Греческое письмо, неустроенное, кое какъ, и наконецъ уже устроенное, принаровленное къ ихъ рѣчи.»

Въ дальнѣйшее подтверждение своего мнѣнія, г. Бодянскій указываетъ еще на монету у профессора Бочека, на которой Сла- вянское слово писано на оборотѣ Греческими буквами.

Должно согласиться, что изъ всѣхъ предположеній о Славянскомъ до-Кирилловскомъ письмѣ, предположенія г. Бодянскаго удовлетво- рительнѣе другихъ и ведены естественно, безъ теоретическихъ на- тяжекъ, въ которыхъ невольно должны мы упрекнуть Венелина. Обстоятельства, приведенные г. Бодянскимъ, особенно слова Чер- норизца Храбра, весьма важны и служать сильнымъ подтвержде- ниемъ его мнѣнія. Нѣть спора, что Славяне до Кирилла и Меѳодія могли писать Греческими буквами слова своего роднаго языка, какъ это же самое видимъ мы теперь въ примѣрѣ нынѣшихъ Болгаръ, которые Греческими же буквами новѣйшей орѳографіи переписы- ваются другъ съ другомъ на своемъ отечественномъ языке. Вообще обстоятельство это очень могло имѣть мѣсто, но оно не ведеть ни къ какимъ результатамъ, потому что, по всѣмъ свидѣтельствамъ временъ минувшихъ и по всѣмъ документальнымъ актамъ, сохра-

нившимся до нашего времени, мы не можемъ не признавать Кирил- ла и Меѳодія образователями Церковно-Славянскихъ письменъ, уста- новителями языка Церковнаго и переводчиками св. писанія. Дан- ные въ ихъ пользу въ этомъ отношеніи слишкомъ разнообразны и мно- гочисленны. Съ этимъ соглашается и г. Бодянскій, упомянутая позднѣе въ другомъ мѣстѣ<sup>(8)</sup> о Константина и Меѳодіѣ, какъ о Сла- вянскихъ первоучителяхъ, совершившихъ переводъ книгъ св. писанія на свой отечественный языкъ. Вотъ эти данныя.

1) Свидѣтельство Папы Іоанна VIII, который былъ современ- никомъ сихъ первоучителей Славянскихъ. Въ буллахъ своихъ къ Меѳодію отъ 879 и къ Богемскому королю Святополку отъ 880 года<sup>(9)</sup> онъ ясно говоритъ «о Словенскихъ письменахъ, изобрѣтен- «ныхъ нѣкимъ философомъ Константиномъ, и о литургії, святомъ «Евангеліи и Божественныхъ изрѣченіяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта «на Славянскомъ языке<sup>(10)</sup>.» Все это, какъ изъ общаго смысла этихъ буллъ яствуетъ, возымѣло начало свое только при Свято- полкѣ. Изъ этихъ буллъ видно еще, что вопросъ о Славянскомъ богослуженіи былъ совершенно новъ и послужилъ предметомъ, за который Меѳодій обвиненъ былъ врагами своими предъ Папскимъ престоломъ. Замѣтимъ, что въ достовѣрности этихъ буллъ иные, и въ томъ числѣ Венелинъ, сомнѣваются.

2) Другое современное свидѣтельство принадлежитъ неизвѣст-

<sup>(8)</sup> Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія. 1843. Іюнь. Отд. 11. стр. 134.

<sup>(9)</sup> См. Шлецера Несторъ, въ переводѣ Языкова, часть 2 стр. 502-509.

<sup>(10)</sup> Literas denique Slavonicas a Constantino quodam Philosopho repertas, quibus Deo laudes debitae resonant, jure laudamus et in ea lingna Christi domini nostri pae- conia et opera, ut enarrentur, jubemus.

ному сочинителю отрывка de conversione Bojoariorum (<sup>11</sup>) и относится, по замечанию Добровского, къ 873 году приблизительно. Этот неизвестный считалъ введеніе богослуженія на Славянскомъ языке въ Панноніи нарушениемъ правъ Зальцбургскихъ архіепископовъ и именно этому обстоятельству приписываетъ удаление протопресвитера Рихбальда изъ Панноніи. Онъ упоминается при этомъ о Меѳодіѣ и о вновь изобрѣтенныхъ имъ Славянскихъ буквахъ (noviter inventis Slavinis literis).

3) Въ древней Легендѣ о Богемской Княжнѣ Людмилѣ изобрѣтеніе Славянскихъ буквъ и переводъ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ приписывается Кириллу (<sup>12</sup>).

4) Свидѣтельство Нестора, который говоритъ о Солунскихъ братьяхъ: «сими же пришедшими (въ Моравію) начаста составливати письмена азбуковнаѧ Словенски, и преложиста Апостоль и Евангелие; и ради быша Словене, яко слышаша величие Божіе своимъ языкомъ» (<sup>13</sup>).»

5) Пресвитеръ Діоклейскій, писавшій около 1161 года, представляетъ также немаловажное свидѣтельство въ пользу нашего предмета. Вотъ слова этого пресвитера, находящіяся въ его Historia regni Slavorum: «Святѣйший мужъ Константинъ установилъ священослужителей и составя Славянскую азбуку перевель съ Греческаго языка на Славянскій благовѣстіе Христово, Псалтирь и всѣ св. книги Ветхаго и Новаго Завѣта и, уставя, по обычаю Грековъ, обѣдни, утверждалъ ихъ въ вѣрѣ во Христа. Простиасъ же со всѣми, обра-

(<sup>11</sup>) Добровскій, Кириллъ и Меѳодій, стр. 34.

(<sup>12</sup>) Ibid., стр. 29.

(<sup>13</sup>) Кенигсб. списокъ лѣтописи. стр. 21.

щенными имъ къ вѣрѣ во Христа, поспѣшалъ по апостольскому благословенію въ Римъ» (<sup>14</sup>).

6) Свидѣтельство Чериоризца Храбра, о которомъ мы упоминали выше и который утвердительно говоритъ:... «святый Константинъ философъ, тъ намъ письмена сотвори и книги преложи и Меѳодиѣ братъ его» (<sup>15</sup>).

7) Легенда, найденная въ бывшемъ Бенедиктицкомъ Блаубейерскомъ монастырѣ (въ Виртембергѣ), относимая Добровскимъ къ XIV столѣтію и помѣщенная Шлецеромъ въ его «Несторѣ», содержитъ въ себѣ довольно обстоятельное извѣстіе о жизни и подвигахъ Кирилла и Меѳодія и вполнѣ оставляетъ за ними честь перевода св. книгъ на Славянскій языкъ.

8) Слова Четії-Минеи въ жизнеописаніи Кирилла и Меѳодія, (11-го Мая): (Кириллъ и Меѳодій изобрѣли) «азбуку Словенскую имущую въ себѣ 38 письменъ, во еже бы преложити книги Греческія на языкъ Словенскій.»

Мы привели здѣсь только тѣ свидѣтельства, на которыхъ основывается неопровергимость той истины, что Кириллъ и Меѳодій были первыми изобрѣтателями Славянской азбуки и переводчиками книгъ св. писанія и которыхъ всего чаще встречаются въ изслѣдованіяхъ Добровского, Шлецера, Шафарика и другихъ Славянофиловъ. Этихъ свидѣтельствъ могли бы мы привести гораздо болѣе. Такова на примѣръ Греческая біографія Болгарскаго архіепископа Клиmenta, дошедшая отъ глубокой древности и приводимая Добров-

(<sup>14</sup>) Добровскій: Кириллъ и Меѳодій. стр. 28.

(<sup>15</sup>) Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій. Изслѣдованіе К. Калайдовича. стр. 191.

скимъ, въ его : «Кирилль и Меодій», равно какъ и другіе памятники. Мы не сочли нужнымъ однажды распространяться о предметѣ, который и безъ того не подлежитъ сомнѣю.

На основаніи всѣхъ вышеозначенныхъ данныхъ, нельзя не признавать, съ неопровержимою законностію, что преподобные Кирилль и Меодій были первоначальными составителями настоящей Славянской грамоты и переводчиками книгъ св. писанія на Славянскій языкъ. Истина этого основывается не на какомъ либо темномъ и неопределительномъ преданіи, но на документахъ въ строгомъ смыслѣ историческихъ, на современныхъ свидѣтельствахъ и актахъ. Мужи, каковы, были Добровскій, патріархъ всѣхъ иныхъ Славянофиловъ, и Шлецерь, такъ глубоко и основательно разобравшій въ своемъ «Несторѣ», вопросъ о переводе книгъ св. писанія на Славянскій языкъ, принимали решительно, что всей своею грамотностью и письменностью Славяне обязаны Кириллу и Меодію и что до этихъ первоучителей, «свѣтильниковъ миру», какъ говоритъ Четія, у нихъ ничего не было, въ этомъ отношеніи. Притомъ свидѣтельства, приведенные выше, со всею ясностью показываютъ, что если бы даже до Солунскихъ братьевъ и существовала Славянская грамота и начатки переводовъ, то Кирилль и Меодій, обратившіе на себя столь общее вниманіе, конечно сдѣлали весьма важный и решительный шагъ въ этомъ дѣлѣ, такъ-что по всей справедливости имъ принадлежитъ титло первоучителей Славянскихъ.

**Кирилль и Меодій. Ихъ первые годы и посланіе къ Хазарамъ и въ Моравскую землю. Дѣла ихъ съ Римомъ. Какія книги св. писанія перевели они.**

Старѣйшие обработыватели житія преподобныхъ Кирилла и Меодія суть: Пешина<sup>(1)</sup>, Пражскій ученый XVII вѣка, Стредовскій<sup>(2)</sup>, Моравскій священникъ, писавшій въ началѣ прошедшаго столѣтія, Феофанъ Прокоповичъ<sup>(3)</sup>, знаменитый Епархъ нашей Церкви, Коль<sup>(4)</sup>, первый профессоръ Исторіи Словесности въ С.-Петербургской Академіи Наукъ, Ассемани<sup>(5)</sup>, префектъ Ватиканской библіотеки, оказавшій большія услуги изученію Сирійскаго языка и литературы, Добнеръ<sup>(6)</sup>, священникъ, жившій въ половинѣ прошедшаго столѣтія, и Ульманъ<sup>(7)</sup>, Премонстрантскій монахъ, жившій тогда-же. Всѣ они впрочемъ замѣчательны только какъ собиратели матеріаловъ<sup>(8)</sup>, и то иногда недостовѣрныхъ. Выше другихъ стоять Фео-

(1) Mars Moravicus. Praga. 1677. 958 pg. in fol.

(2) Sacra Moraviae Historia sive vita Cyrilli et Methudii. Solisbaci. 1710. 528 pg. in 4°.

(3) Разсмотрѣніе повѣсти о Кирилль и Меодій. СПб. 1722.

(4) Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum. 1728.

(5) Calendaria Ecclesiae universae, etc. Roma. 1755—57. in 4°.

(6) Annales Bohemorum. Praga. 1765,

(7) Alt-Mähren. Olmütz. 1762.

(8) Труды Пешины, Стредовскаго и Ульмана Шлецера, въ своемъ «Несторѣ», называетъ просто негодными. Особенно возрастаетъ онъ противъ втораго изъ нихъ, за котораго впрочемъ вступается Добровскій, осуждающій въ свою очередь сочиненія Коля, выхвалляемыя Шлецеромъ.

фанъ Прокоповичъ, Асsemani и Добнеръ. Сочиненія сего послѣдняго, по словамъ самого Шлецера, послужили основаніемъ всѣхъ его изслѣдований по этому предмету. Собственно критическому разсмотрѣнію житія первоучителей Славянскихъ начало и вмѣстѣ краеугольный камень положили Добровскій <sup>(9)</sup> и Шлецеръ <sup>(10)</sup>. За ними слѣдуетъ рядъ любителей въ болѣшой или менышой мѣрѣ. Главными же источниками о жизни преподобныхъ Кирилла и Меѳодія служатъ наши Четіи-Минеи и Acta Sanctorum Западной Церкви.

Кириллъ и Меѳодій <sup>(11)</sup>, въ Богемскихъ актахъ носящіе имена Цердота и Страхота, жили въ половинѣ IX-го вѣка и происходили отъ благородной и вѣроятно Славянской фамиліи изъ города Солуни (Фессалоникъ), какъ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ древнійшия легенды. По словамъ Четіи-Минеи, они были дѣти сотника Льва и супруги его Маріи, жившихъ при императорахъ Византійскихъ Львѣ Арменинѣ, Михаилѣ Травлѣ и сынѣ его Феофилѣ. Старшій изъ нихъ Меѳодій служилъ при императорѣ Михаилѣ Травлѣ воеводою и начальствовалъ въ сопредѣльныхъ Славянамъ земляхъ. Чрезъ десять лѣтъ, при иконоборномъ Императорѣ Феофилѣ, онъ вступилъ въ монашество на Олимпійской горѣ. Не столь ученый, какъ его

<sup>(9)</sup> Аббать Іос. Добровскій, коего біографія составлена Палажкимъ, написалъ по нашему предмету: Cyril und Method, der Slaven Apostel. Praga. 1823 (на Русскій языкъ эта книга переведена профессоромъ Погодинымъ); Slavin, Botschaft aus Böhmen an alle Slavische Völker. Prag. 1806 — 80; Glagolitica, als Anhang zu Slavin. Prag. 1832 изд. 2-ое.

<sup>(10)</sup> Изслѣдованія Шлецера о жизни и трудахъ преподобныхъ Кирилла и Меѳодія помѣщены во 2-ой части его «Нестора» (по переводу Языкова: глава 10 стр. 406—582). Эта десятая глава обработана съ образцовымъ умѣньемъ, трудомъ и знаніемъ дѣла. Она заслужила даже похвалу самого сочинителя.

<sup>(11)</sup> Въ Четіи-Минеи житіе ихъ описано подъ 11 Мая; въ Acta Sanctorum 9-го марта.

брать, онъ тѣмъ не менѣе отличался разнообразными знаніями. Константинъ, подъ конецъ жизни принявший въ Римъ, вмѣстѣ со св. схимою, имя Кирилла, еще отъ пеленъ показывавше въ себѣ ильчто дивно. Съ первыхъ днѣй своей жизни, онъ пренебрѣгъ сосцами кормилицы и потребовалъ груди матери. По седьмому году, когда его начали учить грамотѣ, онъ видѣлъ вѣцій сонъ: будто нѣкій воевода собралъ всѣхъ дѣвицъ города и велѣлъ ему выбрать себѣ одну изъ нихъ въ сожитіе. Константинъ избралъ Софию. Родители истолковали этотъ сонъ, какъ вѣцій знакъ его будущей премудрости и несчадили ничего для воспитанія отрока. Въ молодости, блаженный Константинъ особенно любилъ и читалъ св. Григорія Богослова. Когда по смерти Феофила, на Константинопольскій престолъ вступилъ сынъ его Михаилъ еще отрокъ, подъ опекою матери Феодоры и трехъ вельможъ, тогда одинъ изъ сихъ послѣднихъ Логофетъ Дроми, а по другимъ Феоктистъ, знавшій родителей Константина и самого юношу, призвалъ его, чтобы онъ учился вмѣстѣ съ царемъ Михаиломъ. Тутъ Константинъ прошелъ весь курсъ тогдашней мудрости: грамматику и «Омирово стихотвореніе», Реторику, Философию, Ариѳметику, Астрономію и «Мусикію», какъ сказано въ Четіи-Минеи. Прозванный Философомъ <sup>(12)</sup>, Константинъ особенно славился, какъ замѣчасть Шафарикъ, знаніемъ различныхъ языковъ. Греческій языкъ зналъ онъ конечно еще въ дѣтствѣ; по Славянски выучился, вѣроятно, также дома въ Солуни, гдѣ, какъ и во всей Македоніи, за нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ, поселились Славянскія племена <sup>(13)</sup>. Хазарскому и Армянскому выу-

<sup>(12)</sup> Священникъ Діоклайскій, писавшій около 1161 года, говоритъ о немъ vir sanctissimus atque in divinis scriptoribus profundissime a pueritia edocitus.

<sup>(13)</sup> До сихъ поръ не решено были ли это Болгары или Сербы. Въ наше время однакожъ въ окрестностяхъ Фессалоникъ живутъ Болгары.

чился онъ въ послѣдствіи. Между тѣмъ мудрость и добродѣтель Константина были причиною, что онъ сдѣлался близокъ къ царю и былъ первымъ доместикомъ Логофета. Сей послѣдній хотѣлъ было женить его на своей воспитанницѣ, но онъ тайно ушелъ на узкое море, воспріялъ иноческій санъ и только чрезъ шесть мѣсяцевъ былъ отысканъ и приведенъ обратно въ Константинополь, «да не будетъ свѣтильникъ подъ спудомъ, но въ свѣщница». Тутъ въ санѣ іеромонаха сдѣланъ онъ былъ библіотекаремъ при Соборной Софійской церкви въ Константинополь и кромѣ того учителемъ философіи.

Надобно знать, что всѣмъ этимъ подробностямъ, взятымъ изъ легендъ и Чети-Минея, Добровскій не вѣритъ. Объ нихъ умалчиваетъ и Шафарикъ въ своей «Історіи Славянскаго языка и литературы по всѣмъ нар҃ечіямъ»; но эти подробности важны по тому, что носятъ на себѣ рѣшительный отпечатокъ вѣка и придаютъ особый цвѣтъ житію сихъ «свѣтильниковъ миру».

Первое посланіе Константина совершено было, по приказанию императора Михаила къ Сарацинамъ, па рѣку Евфратъ, въ городъ ихъ Самару и къ царю Амирнумну, для оправданія вѣры Христовой, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуетъ намъ Чети-Минея. Слѣдствія этого посольства неизвѣстны. Замѣтимъ только, что о немъ умалчиваютъ Добровскій и Шафарикъ, вѣроятно какъ о недостовѣрномъ, и упоминаетъ только митрополитъ Евгений въ своемъ «Словѣварѣ писателей духовнаго чина». Чрезъ нѣсколько времени, когда, при томъ же императорѣ, Хазары прислали посольство съ просьбою о Христіанскомъ учительѣ, тогда назначенъ былъ туда Константина, взявши въ эту миссію и брата своего Меѳодія. На пути въ Хазарію, Константина остановился на нѣкоторое время въ Хер-

сонѣ, городѣ сопредѣльномъ Хазарамъ и выучился здѣсь Хазарскому языку. «Таможе и Жидовскому языку навыкоша» говоритъ Четія-Минея. Далѣе онъ былъ такъ счастливъ, что обрѣлъ изъ моря мощи священномуученика Климента, папы Римскаго (<sup>14</sup>), которыя по преданію сами вышли къ нему изъ воды. Часть ихъ онъ взялъ съ собою. Послѣ того, какъ повѣствуютъ, онъ обратилъ почти всю Хазарію въ Христіанство. Добровскій и Шафарикъ думаютъ, что когда Константина и Меѳодія исполнили свое назначеніе въ Хазарской миссіи, то прежде отправленія своего въ Моравію, занимались обращеніемъ Болгаръ, по просьбѣ тамошнихъ князей. При этомъ то случилось, говоритъ Добровскій, Константина, для списанія себѣ большаго успѣха, изобрѣлъ Славянское письмо и перевелъ Евангеліе и другія книги на Славянскій языкъ. Говоря о крещеніи Болгаръ, мы должны упомянуть о преданіи разсказываемомъ многими Византійцами. Вотъ оно: Болгарскій царь Борисъ, или Богорисъ, пожелалъ расписать загородный домъ свой, для чего и велѣлъ вызвать одного Римскаго (Ромейскаго) живописца, ипока Меѳодія. Живописецъ, которому приказано было написать что-либо устрашающее воображеніе вздумалъ, изобразить Страшный Судъ. Эта картина такъ поразила царя, что онъ послѣ того крестился. Событие это относится, по соображеніямъ

(<sup>14</sup>) Преданіе обѣ этомъ любопытно. Оно говоритъ, что при императорѣ Траянѣ, Климентъ былъ сосланъ изъ Рима въ Херсонъ, обратилъ здѣсь многихъ въ Христіанство и былъ за то потопленъ въ морѣ нѣкимъ Авфидіономъ, по повелѣнію императора. Чудомъ образовалась въ морѣ храмина, въ коемъ хранились мощи священномуученика и волны въ теченіе семи сотъ лѣтъ каждый годъ отливались отъ берега и позволяли благочестивымъ поклоняться мощамъ Угодника. Такъ было до императора Никифора, когда за грѣхи людей море закрылось навсегда. Чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, мощи представали Константину сами собою.

ученыхъ, ко времени послѣ 860 года. Многіе думаютъ, что этотъ инохъ Меѳодій былъ братъ Константина. Шлецеръ, основываясь на выводахъ хронологическихъ, доказываетъ одинакожъ, что Меѳодій не былъ тогда еще монахомъ и происхожденіемъ былъ не изъ Рима, а изъ Фессалоникъ. Добровскій основательно возстаетъ противъ этого, утверждая, что разныя обстоятельства, какъ то: современность сихъ двухъ Меѳодіевъ (живописца и первоучителя Славянского), невозможность отрицать рѣшительно, что Меѳодій былъ въ то время монахомъ, и наконецъ то, что подъ словомъ *μοναχός* Ρωμικіος разумѣется не Римлянинъ, но Ромеецъ, Греко-Римскому царству принадлежащей монахъ,—позволяютъ признать Меѳодія живописца и Меѳодія первоучителя за одно лицо. Время пребыванія Константина и Меѳодія въ Болгаріи не означается съ точностью въ легендахъ; въ Четіи-Минеи даже вовсе умалчивается обѣ немъ. Никакимъ образомъ одинакожъ нельзя думать, чтобы первоучители Славянские изъ Моравіи отправлялись въ Болгарію: этого не видно ни изъ какихъ важныхъ источниковъ и утверждать это значило бы противорѣчить всему ходу повѣствемыхъ событий. Константина и Меѳодія не предпринимали изъ Моравіи путешествія на Востокъ и были только въ Римѣ. Всего естественнѣе предположить, что въ этой землѣ были они на пути своемъ въ Хазарію или изъ нея. Покрайней мѣрѣ это было по дорогѣ. Въ Болгаріи-то около этого времени, по всей вѣроятности, положили они начало переводу книгъ св. писанія и богослуженію на Славянскомъ языке. Въ этомъ убѣждаетъ насъ во первыхъ то обстоятельство, что Моравскіе князья, испрашивая въ Константинополь Славянскихъ учителей, и побужде-

ны были къ этому, по замѣчанію Добровскаго (<sup>15</sup>), примѣромъ Славянъ Дунайскихъ; а во вторыхъ, что лексическая основа Церковно-Славянскаго нарѣчія, какъ это почти доказано въ наше время, изобличаетъ Болгарское происхожденіе. Стало-быть пребываніе и проповѣданіе Константина и Меѳодія въ Болгаріи относится именно ко времени посланія ихъ въ Хазарію.

Призваніе Константина къ Хазарамъ и обращеніе въ то-же время Болгаръ представляютъ обширное поле для критическихъ разысканій. Главный вопросъ заключается въ томъ, какое племя разумѣется здѣсь подъ Хазарами,—каково, во всемъ этомъ повѣствованіи, отношеніе Хазаръ къ Болгарамъ, и не слились ли въ устахъ преданія и въ смыслѣ лѣтописцевъ эти два народа въ одинъ?

Греческие и Восточные писатели говорятъ о Хазарахъ слишкомъ неопределенно (<sup>16</sup>), и потому даютъ поводъ къ толкованіямъ всякаго рода. Если подъ Хазарами разумѣть племя Славянское, какъ это принимаютъ некоторые современные намъ изслѣдо-

(<sup>15</sup>) Добровскій: Кириллъ и Меѳодій. стр. 49.

(<sup>16</sup>) Относительно языка и наружного вида Хазаръ — двухъ лучшихъ данныхъ для определенія принадлежности народа къ тому или другому племени — Ибнъ-Фоцланъ, жившій въ землѣ ихъ, говоритъ: «языкъ Хазаръ не есть ни Тюркскій, ни Персидскій, и не имѣть сходства ни съ какимъ другимъ на свѣтѣ. Наружностью Хазары также не походятъ на Турокъ; они черноволосы и притомъ двухъ родовъ: одни, называемые Кара-Хазаре, имѣютъ цѣль лица смуглый, но смугловатость эта близка къ совершенной чернотѣ, такъ-что ихъ можно-было-бы почесть за Индійцевъ. Другіе бѣлы, и отличаются красотою и статностью».

Ибнъ-Хаукалъ, также знавшій Хазаръ лично, сообщаетъ о томъ-же слѣдующее: «постояніе Хазаре имѣютъ свой языкъ, не Тюркскій и не Персидскій, а такой-же какъ у Болгаръ. У Буртасовъ тоже свой языкъ; такимъ-же образомъ и Русы говорятъ своимъ языкомъ, не похожимъ ни на языкъ Хазаръ, ни на языкъ Буртасовъ». См. De Chasaris. Excerpta ex scriptoribus Arabicis. Interprete Fraenio Petropoli. 1822. 4<sup>o</sup>. p. 9 а 27.

ватели, тогда вопросъ о призваніи Константина къ Хазарамъ и бывшемъ въ тоже время обращеніи Болгаръ въ Христіанство разрѣшился самъ собою: выйдеть или что Хазаре одно и тоже съ Болгарами, или что эти два народа были въ сосѣствѣ и въ близкомъ родствѣ между собою, но что во всякомъ случаѣ обращеніе однихъ было соединено съ обращеніемъ другихъ.

Большинство ученыхъ мнѣній одинакожь на той сторонѣ, что Хазаре не суть Славяне и что это народъ Восточный. Тутъ очевидно обращеніе Хазаръ становится дѣломъ совершенно особымъ отъ крещенія Болгаръ. Что касается до сихъ послѣднихъ, то хотя историки несогласны въ томъ ославянившійся ли это Восточный народъ или чистые Славяне, мы не можемъ не принимать ихъ въ дѣль и въ эпоху крещенія за Славянское племя. Какъ-бы то ни было, неопредѣлительность свѣдѣній нашихъ о Хазарахъ, уверенность въ томъ, что и Болгаре получили Евангельское ученіе отъ Константина и Меѳодія и получили его именно въ то время, когда сіи мужи призваны были къ Хазарамъ, заставляютъ насъ предполагать или что въ повѣствованіи о Константиновомъ посланіи къ Хазарамъ, подъ сими послѣдними разумѣется просто Славянское племя, Болгаре, каковыми будто и были они дѣйствительно — это предположеніе одинакожь слишкомъ рѣшительно; или, по крайней мѣрѣ, что преданіе смѣшало два разные народа: Славянскій и Восточный, и подъ именемъ втораго разумѣло первый, если въ самомъ дѣль Хазары были Восточными, а не Славянскими народомъ. Мы думаемъ, что въ этомъ послѣднемъ мнѣніи гораздо болѣе осторожности и вѣроятія. Дѣло въ томъ, что Хазары могли быть народомъ отдѣльнымъ отъ Славяно-Болгаръ (не говоря о томъ, что могло быть и со-

вершенно противное); это одинакожь не могло воспрепятствовать преданію смѣшать эти два народа и разумѣть подъ первыми вторыхъ.

Притомъ многіе изъ новѣйшихъ писателей допускаютъ-же какую-то древнѣйшую связь Болгаръ съ однимъ изъ народовъ Турецко-Татарскаго племени. Что мудренаго, что, при неопредѣлительности извѣстій Восточныхъ и Греческихъ писателей о Хазарахъ, подъ симъ послѣднимъ племенемъ разумѣется въ преданіи именно эта смѣсь Болгаръ съ Турецко-Татарскимъ племенемъ, отъ которой, какъ думаютъ эти писатели, произошли и нынѣшніе Болгаре.

Подтвержденіемъ тому, что преданіе подъ Хазарами — справедливо или иѣть, другой вопросъ — разумѣло Болгаръ или Славянъ вообще служатъ слова Четіи-Минеи: «Хазары.... бяше народъ Скиескій, языка Славенскаго или Россійскаго». Тутъ Четія опредѣлительно говорить, кого разумѣть подъ Хазарами. Стало быть, Добровскій напрасно возстаетъ противъ иея въ этомъ случаѣ: если Хазары и существовали на берегахъ Чернаго Моря, какъ народъ Восточный, а не Славянскій, то со стороны преданія тутъ только ошибка въ имени. Этимъ-же объясняется обстоятельство, что, говоря о призваніи Константина къ Хазарамъ, Четія умалчиваєтъ о бывшемъ въ то-же время обращеніи Болгаръ: обѣ одномъ и томъ-же говорить два раза было нельзя. Даље, въ Четіи-Минеи повѣствуется какъ Хазарскій Каганъ собралъ вокругъ себя учителей Еврейскихъ, Сарацьнскихъ и Христіанскаго Константина, какъ въ присутствіи его сей послѣдній преодолѣлъ остальныхъ соперниковъ и обратилъ Кагана въ Христіанство. Не это-ли-же преданіе дошло до насъ, съ немногими измѣненіями, другимъ путемъ: и о нашемъ Владімірѣ повѣствуется тоже самое, а извѣстно, что древняя Русь

была въ близкихъ связяхъ съ Болгаріей. Преданіе о Болгарскомъ царѣ могло быть приписано Владиміру. Надобно помнить, что здѣсь историкъ имѣть дѣло съ преданіями, со сказаніями лѣтописцевъ, которые могли записывать у себя въ легендахъ со словъ народа, переиначивающаго события. Должно помнить, что въ этомъ переиначеніи всегда таится зерно истины: открыть ее дѣло историка.

Предположеніе наше выгодно потому, что оно соглашаетъ сказаніе легендъ и Четій съ выводами новѣйшихъ изыскателей въ пользу того мнѣнія, что св. писаніе впервые переведено было на древне-Болгарское нарѣчіе, мнѣніе, которое съ течениемъ времени все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ силы и прочности.

На обратномъ пути изъ Хазаріи, преподобный Константина молитвы претворилъ соленую воду въ пресную и достигъ на конецъ Константиополя, ведя съ собою отпущеныхъ Хазарами пленниковъ. Здѣсь ожидало преподобныхъ братьевъ новое призваніе. Между 861 и 863 годами, Моравскіе князья Ростиславъ, Святополкъ и Коцель<sup>(17)</sup> прислали къ императору Михаилу посланство и просили себѣ учителя, который научилъ бы народъ ихъ читать Божественные книги на родномъ языке и наставилъ бы его въ Христіанскомъ законѣ. Въ 863 году Константина и Меѳодій отправились въ Моравію, гдѣ народъ принялъ ихъ съ восторгомъ. Замѣтимъ, что до этого события подробности повѣствованія находятся въ сказаніяхъ и четіяхъ Восточной Перкви. Съ этого-же происшествія главнымъ источникомъ повѣствованія служатъ западныя легенды,

(17) Западныя хроники, а вмѣстѣ съ ними и Шафарикъ въ своей исторіи, говорятъ при этомъ объ одномъ только Ростиславѣ; въ Четій-Минеѣ прибавленъ Святополкъ, а у Нестора упоминаются всѣ трое.

Многіе западныя писатели, соглашаясь, что Кирилль и Меѳодій были первоначальными переводчиками книгъ св. писанія, утверждаютъ, что мужи сіи посланы были въ Славянскія земли не отъ Константиопольскаго патріарха, но изъ Рима, отъ папы<sup>(18)</sup>. Въ самомъ дѣлѣ, съ первого взгляда кажется страннымъ, какимъ образомъ Моравскіе князья, бывши въ духовной зависимости отъ Римской ціары, могли просить учителей отъ Грековъ; какимъ образомъ самъ папа принялъ учителей этихъ подъ свое покровительство<sup>(19)</sup>. Шлемберъ объяснилъ однакожъ все это съ должною опредѣлительностью. Моравы, (разумѣя подъ ними подданныхъ обширнаго, кратковременнаго Моравскаго царства, бывшаго въ IX столѣтіи) желая имѣть у себя учителей, которые преподали бы имъ св. писаніе на ихъ собственномъ языке, не могли обратиться съ просьбою объ этомъ къ папѣ, отъ котораго получали только Латинскихъ учителей. Имъ оставалось просить о Славянскихъ учителяхъ только Константионопольскаго императора и патріарха. Посредствомъ этой новой связи съ Греціей, Моравскіе князья могли даже надѣяться получить помощь противъ Нѣмецкихъ государей, съ которыми они находились тогда въ раздорѣ. Съ другой стороны, Кирилль и Меѳодій должны были обратиться къ Римскому престолу; потому что власть патріарха Константионопольскаго не простидалась на Моравію, принадлежавшую Римскому папѣ. Наконецъ всему этому не могло препятствовать и раздѣленіе Церкви, которое въ то время еще не было всеслучаи отъ автора за подозрѣніемъ въ (извѣстнѣйшемъ) винѣ

(18) Добнеръ: Annales Bohemorum. Ассемани: Calendaria Ecclesiae universae.

(19) См. о первоначальномъ переводѣ св. писанія на Славянскій языкъ. Соч. Ор. Новицкаго. Кіевъ. 1837.

общимъ и существовало только между высшими лицами Іерархії (<sup>20</sup>). Переходимъ теперь къ дальнѣйшимъ слѣдамъ нашихъ первоучителей.

Четыре съ половиною года Константинъ и Меѳодій оставались въ Моравіи, проповѣдывали и отправляли священнослужение на Славянскомъ языке. Въ 867 г. папа Николай I потребовалъ ихъ въ Римъ. Братья отправились туда немедленно, но не нашли уже папы Николая въ живыхъ. Онъ умеръ 13-го Ноября 867 года. Въ то-же время ему наследовалъ папа Адріанъ II. Сей послѣдній, узнавъ, что Константинъ несетъ съ собою мощи св. Климента, вышелъ къ нему на встречу за городъ въ сопровожденіи духовенства и народа (<sup>21</sup>). Оба брата, какъ бы изъ благодарности за столь драгоценное приношеніе, говоритъ Добровскій, были посвящены въ епископы, а ученики ихъ, взятые ими съ собою, въ священники и діаконы. При этомъ-же случаѣ папа одобрилъ Славянское богослуженіе и переводъ книгъ св. писанія. Константинъ не принялъ никакожъ паствы, быть можетъ потому, что почувствовалъ близкую кончину. Съ согласія папы воспріялъ онъ св. схиму и съ нею имя Кирилла и чрезъ сорокъ дней послѣ того, 13-го Февраля 868 года, умеръ въ Римъ. Тѣло его торжественно было предано землѣ въ церкви св. Климента въ Римѣ, а память его чествуется Церковью и до нынѣ.

Меѳодій, посвященный въ епископы, не замедлилъ въ томъ-же 868 году возвратиться въ Моравію. Онъ былъ епископомъ цѣлой страны (Episcopus regionarius), а потому у себя въ паствѣ не имѣлъ

(<sup>20</sup>) Шлецеровъ Несторъ въ Русск. переводѣ часть 2, глава 10. — Новицкій. стр. 15.

(<sup>21</sup>) Добровскій: Кирилъ и Меѳодій. стр. 51 и 52.

постояннаго мѣстопребыванія, хотя позднѣйшія легенды мѣстомъ его обыкновенного жительства назначаютъ Велеградъ, который съ тѣмъ вмѣстѣ признаются и главнымъ городомъ всего королевства. Поелику однако же древнѣйшія легенды умалчиваютъ объ этомъ, то мы не можемъ съ достовѣрностью принимать ни Велеградъ, въ области Ростислава, ни Мораву, въ Паноніи, за мѣсто епископской каѳедры Меѳодія. Мы можемъ только титуловать его епископомъ Моравскимъ и Паннонскимъ, какъ называлъ его папа Ioannus VIII въ своихъ письмахъ (<sup>22</sup>).

Чрезъ годъ послѣ обратнаго прибытія Меѳодія въ Моравію, здѣсь начались ужасныя распри. Въ 869 году, Карломанъ напалъ на Ростислава Моравскаго и разбилъ его. Святополкъ, племянникъ Ростислава, измѣнилъ ему и передался, со всею своею землею, на сторону Германцевъ, его враговъ и побѣдителей. Вскорѣ Святополкъ до того простеръ свою злобу противъ яи, что взялъ его въ плѣнъ и предалъ Карломану въ 870 году. Несчастный Ростиславъ былъ отведенъ въ оковахъ въ Регенсбургъ и тамъ осужденъ на смерть. Но императоръ Людовикъ даровалъ ему жизнь, повелѣлъ освѣтить его и заключить въ монастырь, гдѣ онъ и умеръ. Въроломный Святополкъ, въ свою очередь, сдѣлался подозрительнымъ Нѣмецкому Двору и былъ также заключенъ. Между тѣмъ, Моравы, оставшись безъ царя, заставили принять правленіе ближайшаго родственника Святополка, Славоміра, который напрасно усиливался изгнать Нѣмецевъ изъ завоеванныхъ ими мѣстъ. Негодуя на Славоміра, Нѣмцы выпустили Святополка, тѣмъ болѣе, что

(<sup>22</sup>) Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. von Schaffarik. Осен. 1826 стр. 87.

никто не могъ изобличить его въ измѣнѣ или невѣрности. Предводительствуя Баварцами, Святополкъ вошелъ въ Моравію, свой родовой удѣль; но при осадѣ одного укрѣпленнаго мѣста, перешелъ на сторону своихъ соотечественниковъ, разсѣялъ Баварцевъ и сдѣлался обладателемъ Моравіи<sup>(23)</sup>,

Въ это чрезвычайно беспокойное время Меѳодій находился кажется въ областяхъ Коцела<sup>(24)</sup>, въ Панноніи. Здѣсь нашелъ онъ Нѣмецкихъ священниковъ. Поставленные архіепископомъ Зальцбургскимъ, они были слишкомъ недовольны тѣмъ, что народъ принялъ Славянскую літургію, введенную Меѳодіемъ, предпочтительно предъ Латинскою. Зальцбургскіе архіепископы не могли переносить равнодушно упадка власти Латинскихъ священниковъ и потому всячески старались привести Меѳодія въ подозрѣніе у папы. Его обвиняли въ томъ, что онъ отступаетъ отъ ученія Римской Церкви, ведя народъ къ заблужденіямъ, и учитъ не такъ, какъ обѣщалъ словесно и письменно предъ престоломъ Апостольскимъ. Папы смотрѣли однакожъ на Меѳодія и на введенное имъ Славянское богослуженіе съ другой точки зрѣнія. Стارаясь утвердить свое древнее право на Паннонію, принадлежавшую съ древнѣйшихъ временъ Римскому престолу, они находили выгоду въ томъ, чтобы покровительствовать Меѳодію: этимъ могли они ближе удержать Паннонскую епархию въ своей подчиненности. Не безъ этой цѣли папа Адріянъ поставилъ въ 868 г. Меѳодія епископомъ Паннонскимъ и Моравскимъ. При преемникѣ его Іоаннѣ VIII, Зальцбуржцы обратились

<sup>(23)</sup> Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, von Schaffarik. Осен, 1826.

<sup>(24)</sup> Иные называютъ его Незило; у Раича: Кочуль.

съ доказательствами правъ своихъ на Паннонію, не къ самому ему, а къ императору Людовику и сыну его Карломану, которымъ папа отвѣчалъ на это двумя посланіями. Въ сихъ послѣднихъ онъ требуетъ, чтобы епископу Меѳодію позволено было отправлять въ Панноніи приличное сану его служеніе свободно и безпрепятственно. Когда однажды, какъ показано было выше, обвиненія усилились, папа не могъ оставить ихъ безъ вниманія. Въ письмѣ своемъ отъ 14-го Іюня 879 года къ Тувентару, Моравскому князю, онъ убѣждаетъ его держаться ученія Римской Церкви, и говоритъ, что отъ пресвитера Іоанна, посланного симъ княземъ въ Римъ, онъ узналъ, что даже самъ Тувентаръ колебался въ истинной вѣрѣ. Если-же, говоритъ папа, епископъ Моравскій или какой-либо священникъ осмѣлится проповѣдывать иначе, то они, восполненные усердіемъ къ Богу, должны единодушно отвергнуть ложное ученіе и остаться вѣрными преданіямъ апостольского престола. Добровскій, въ примѣчаніи къ своему изслѣдованию: «Кириллъ и Меѳодій», справедливо замѣчаетъ, что здѣсь подъ епископомъ нельзя разумѣть никого кромѣ Горазда, посвященнаго, какъ говоритъ преданіе, Меѳодіемъ; потому что Гораздъ, бывъ Грекомъ или Болгариномъ, не во всѣхъ отношеніяхъ учили такъ какъ Латины: подозрѣваемый въ ереси, онъ былъ удаленъ. Неограничиваясь увѣщаніемъ Тувентара, Іоаннъ VIII собственнымъ посланіемъ своимъ на имя Меѳодія, того же года и числа призываєтъ его въ Римъ для оправданія, представляя при этомъ и второй предметъ жалобы: Славянскій языкъ при Богослуженіи. Въ слѣдствіе призванія, Меѳодій явился въ Римъ, вмѣстѣ съ повѣреннымъ отъ Святополка Земижизномъ. Изъ личнаго и яснаго донесенія Меѳодіева,

папа узналъ, что онъ исповѣдуетъ и поетъ Символъ, согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ учениемъ, какъ учитъ Римская Церковь и какъ передали св. отцы; узналъ наконецъ, что Святополкъ и весь народъ его искренно преданы апостольскому престолу. Поэтому Меѳодій оставался въ Римъ недолго, не болѣе полугода, и былъ посланъ обратно для управления вѣреною ему паствою; а народу повелѣно было принять его съ должнымъ почтеніемъ, какъ своего пастыря, коего епископское достоинство утверждено было за нимъ апостольскою властію. Тогда-же папа посвятилъ священника Вихинга, посланнаго Святополкомъ въ Римъ, въ епископы Нитры и повелѣлъ ему быть послушнымъ во всемъ своему архіепископу. Въ тоже время папа пожелалъ, чтобы Святополкъ, съ согласія Меѳодія, прислалъ въ Римъ еще одного священника или діакона, котораго-бы могъ онъ посвятить въ епископы для другой церкви, тдъ нуженъ будетъ епископскій престолъ. Это дѣлалъ онъ съ тою цѣллю, чтобы въ будущее время архіепископъ съ сими двумя епископами, посвященными отъ папы, могъ ставить епископовъ и въ другія мѣста. Наконецъ папа приказалъ, чтобы священники, діаконы и другія духовныя особы были подвластны и во всемъ послушны архіепископу Меѳодію и не поступали ни въ чёмъ безъ его вѣданія. Что касается втораго предмета жалобы, то-есть Славянскаго богослуженія, то Іоаннъ VIII согласился на представленія Меѳодія по этому предмету; похвалилъ Славянскую грамоту, изобрѣтеннную философомъ Константиномъ и повелѣлъ, чтобы дѣла Христовы и Слава Господня провозглашались и на языке Славянскомъ. Въ этомъ по-зволеніи видно, что папа желалъ во первыхъ удержать за собою Славянъ, которые въ случаѣ запрещенія ихъ роднаго языка при

богослуженію, могли отступить отъ Западной Церкви, а во вторыхъ—сохранить единство Церкви, приведенное въ опасность раздѣленіемъ, которое началъ и поддерживалъ Фотій. Наконецъ Іоаннъ VIII желалъ, быть-можеть, снова присоединить, посредствомъ этой терпимости, къ Западному патріархату Болгарію, изъ которой въ 870 году должны были удалиться всѣ Латинскіе священники. Впрочемъ, не смотря на все это, папа не хотѣлъ унизить и Латинскаго языка; а потому, въ письме своемъ къ Святополку, онъ повелѣваетъ, чтобы во всѣхъ церквяхъ земли его Евангелие читано было, для большей важности, сперва по-Латыни, а послѣ того для народа по-Славянски.

Около этого же времени (Добровскій полагаетъ, что это было между 874 и 880 годами), Меѳодій крестилъ Богемскаго герцога Боривоя, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Козьма, спустя 230 лѣтъ послѣ происшествія. Возвратившись въ 880 году въ Моравію, архіепископъ Меѳодій былъ здѣсь худо принятъ, не смотря на одобреніе и грамоты Іоанна VIII. Въ отсутствіи Меѳодія Латинскіе священники овладѣли Святополкомъ, который уже не оказывалъ надлежащаго уваженія первоучителю Славянскому. О непріятностяхъ, встрѣтившихся Меѳодію въ Моравіи, существуютъ довольно неопределительныя преданія: догадываются, что всѣ эти происки противъ Меѳодія были дѣланы подчиненнымъ ему епископомъ Вихингомъ, котораго поддерживалъ самъ князь Святополкъ. Извѣстно только, говоритъ Добровскій, что чрезъ семь мѣсяцевъ по прибытіи своемъ изъ Рима, онъ жаловался папѣ, который и на этотъ разъ далъ ему самый утѣшительный отвѣтъ. Не смотря однакожъ на это, происки, нападки и даже преслѣдованія продолжались: Вихингъ довелъ дѣло до того даже, что Славянскій епископъ Гораздъ

и его приверженцы были изгнаны изъ страны. Тогда Меѳодію, который могъ опасаться, что въ Моравіи поступятъ съ Славянскими священнослужителями такъ, какъ въ 870 году поступлено было съ Латинскими священниками въ Болгаріи, не оставалось думать ни о чёмъ болѣе, какъ о томъ, чтобы, для поправленія дѣлъ, снова отправиться въ Римъ, согласно съ позволеніемъ папы. Сей послѣдній обѣщалъ только тогда прекратить распри, когда обиженній явится къ нему лично. Такимъ образомъ Меѳодій не замедлилъ отправиться въ Италию. Здѣсь, какъ думаетъ Добровскій, вскорѣ послѣ прибытія своего въ Римъ, преподобный Меѳодій кончилъ труженическіе, исполненные горестей, дни свои. Послѣ 881 года нигдѣ уже не упоминается о немъ. Архіепископство Меѳодія продолжалось слѣдовательно не долѣ 13 лѣтъ. Шлецеръ полагаетъ, что Меѳодій, возвратившись на этотъ разъ изъ Рима въ Паннонію, спокойно продолжалъ трудиться еще 20 лѣтъ; но мнѣніе это невѣроятно: въ такомъ случаѣ о Меѳодіѣ сохранились бы какія-либо извѣстія.

Остается еще важный вопросъ касательно преподобныхъ мучежей Солунскихъ; это—какія именно книги св. писанія перевели они на Славянскій языкъ?—Главное затрудненіе при этомъ вопросѣ состоить въ томъ, что извѣстія, дошедшія до настѣнко по этому предмету, неопределительны и неточны. Извѣстія эти принадлежатъ нашему Киевскому лѣтописцу Нестору, Экзарху Болгарскому Іоанну, Діоклейскому священнику и наконецъ сочинителю древней легенды о Богемской княжнѣ Людмилѣ<sup>(25)</sup>.

(25) Разсужденіе г. Новицкаго: «Первоначальномъ переводѣ св. писанія на Славянскій языкъ». Кіевъ, 1837.

Вотъ слова Нестора: «преложиста апостолъ и Евангеліе..... посемъ же преложиста Псалтырь и Октоихъ и прочія книги..... «Меѳодій же посади два попа скрописца зело и преложи вся книги «исполнъ отъ Греческа языка на Словѣнскъ въ шесть мѣсяцъ...»<sup>(26)</sup>. Ясно, что въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ не о переводѣ св. писанія попами скрописцами, а о переписаніи ими книгъ уже переведенныхъ, во всей ихъ полнотѣ. Не смотря на это, Шлецеръ и Казандовичъ, конечно основываясь на выраженіи: «вся книги исполнъ», полагаютъ, что Кирилломъ и Меѳодіемъ переведены были все священныя книги. Во всякомъ случаѣ выраженіе это имѣеть только мнимую опредѣлительность, потому именно, что легко можетъ относиться къ той только части св. книгъ, которая потомъ списана была попами скрописцами или, какъ называны они въ Кенигсбергскомъ спискѣ, борзописцами.

Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, писатель конца IX и начала X столѣтія въ предисловіи къ своему переводу сочиненія Іоанна Дамаскина: «Небеса» говоритъ слѣдующее: «а великий Божий архіепискоупъ Меѳодіи, братъ іего прѣложи вся уставныя книги 60 отъ Елинска «языка, іеже і есть Греческъ въ Словѣнскъ».—Спрашивается, какія книги должно разумѣть въ этомъ случаѣ подъ уставными? Извѣстно, что въ различные времена и въ различныхъ Церквяхъ, чи-слу уставныхъ или каноническихъ книгъ было различно. Покрайней мѣрѣ, касательно подробностей и дальнѣйшихъ распространеній, тутъ опять поводъ къ различнымъ толкованіямъ; опять тѣ-же несогласія, та-же неопределенність. Извѣстно притомъ, что нѣкото-

(26) См. Лѣтопись Нестора по списку Михаїа Лаврентія. Москва, 1824.

ные изъ новыхъ писателей сомнѣваются въ самомъ вѣкѣ Иоанна Экзарха и относятъ его не къ X, но къ XII столѣтию.

Изъ западныхъ писателей, *Діоклейский священникъ*, жившій въ половинѣ XII столѣтия, равно какъ и сочинитель древней легенды о Богемской княжнѣ Людмилѣ, говоритъ, что «Константинъ, соста- «вивъ Славянскую азбуку, перевель съ Греческаго языка на Сла- «вянскій, Благовѣстіе Христово, Псалтырь и всѣ св. книги Ветхаго «и Нового Завѣта». Преданіе это высказано со всею опредѣлитель- ностію; но можемъ ли мы во всемъ положиться на слова Діокле- ца и сочинителя легенды? Справедливо на вопросъ этотъ отвѣчаетъ г. Новицкій<sup>(27)</sup>: «оба они, незнакомые съ Греческимъ подлинни- комъ, а можетъ быть и съ языкомъ Славянскимъ, могли-ли не при- знать перевода Славянской библіи полнымъ, хотя не доставало въ немъ нѣсколькоихъ книгъ, особенно когда они не дѣлали критичес- кихъ разысканій по этому предмету и руководствовались только слухомъ и голосомъ чужимъ?»

Наконецъ въ *Чети-Минеи*, гдѣ вообще всѣ свѣдѣнія о жизни Кирилла и Меѳодія изложены въ подробности, о переводе ихъ ска- зано весьма неопредѣлительно. Она говоритъ, что по смерти Кирил- ла, Меѳодій «еще книги множество съ Греческаго языка на Славен- скій переведе».

Что-же одножъ заключимъ мы изъ всѣхъ этихъ преданій? Въ томъ, что они въ основѣ своей достовѣрны, мы не можемъ сомнѣ- ваться; а потому заключеніе это мы вправѣ сдѣлать. Нѣть сомнѣнія, что со всею достовѣрностью, мы не въ состояніи исчислить въ по-

дробности, какія именно книги переведены были Кирилломъ и Меѳо- діемъ; но опредѣлительно можемъ сказать, что первымъ, а особенно вторымъ изъ нихъ, переведена была съ Греческаго языка на Славян- скій значительная часть книгъ Ветхаго и Нового Завѣта; что ими переведены были книги и службы, существенно необходимыя при литургіи и другихъ священнодѣйствіяхъ. Наконецъ еще разъ дол- жны мы признать первоучителей Славянскихъ образователями священ- нослуженія на Славянскомъ языкѣ и родоначальниками Церковно- Славянской письменности.

(27) О первоначальномъ переводѣ св. писанія на Славянскій языкъ.

Раковецкий, Карамзин и Калайдович слѣдовали тому мнѣнію, что книги св. писанія переведены были Кирилломъ и Меѳодіемъ на общий Славянскій, съдовательно всѣмъ племенамъ равно понятный языкъ. Эти ученые, равновѣкъ и другіе, слѣдовавшіе той-же мысли, обыкновенно ссылались на слова Нестора, который говорить просто, что переводъ книгъ св. писанія сдѣланъ бытъ на языкъ Славянскій. Касательно Карамзина здѣсь необходимо замѣтить, что изъ «Исторіи Государства Россійскаго»<sup>(1)</sup> не видно съ ясностію, что-бы авторъ ея рѣшительно держался этого мнѣнія, хотя посредствомъ умозаключенія это можно вывести изъ его словъ. Что касается Калайдовича, то онъ думаетъ такимъ образомъ только въ своемъ разсужденіи «о древнемъ Славянскомъ языке». Въ послѣдствіи же, въ «Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскому», онъ сдѣдалъ въ этомъ отношеніи уступки въ пользу Моравскаго нарѣчія. Большая часть доказательствъ Раковецкаго, какъ это мы видѣли въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія, есть априористическая, и основывается на томъ, что переводъ начать былъ за-долго до Солунскихъ братьевъ, которые, по мнѣнію его, были только продолжателями въ этомъ дѣлѣ. Конечно мнѣніе это находится подтвержденіе въ различныхъ обстоятельствахъ. Нельзя напримѣръ отрицать, что въ IX столѣтіи различная нарѣчія Славянскія дѣйствительно имѣли между собою болѣе сходства, нежели нынѣ. Должно также обратить вниманіе на слова Нестора<sup>(2)</sup>, Дюклейца, Четій-Ми- фон-ой.

(1) Исторія Государства Россійскаго. Томъ I, страницы 140 и 141.

(2) Несторъ: «сімъ бо первое передложены книги въ Моравѣ, яже прозваesi грамота Словенъска, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.»

На какое изъ Славянскихъ нарѣчій совершенъ бытъ переводъ книгъ св. писанія? различные мнѣнія ученыхъ по этому предмету.

На вопросъ: какое изъ различныхъ Славянскихъ нарѣчій послужило основою перевода книгъ св.-пісанія, совершенного Кирилломъ и Меѳодіемъ? ученые изыскатели отвѣчали различно. Изложимъ ихъ мнѣнія и въ-заключеніе представимъ то, которое есть господствующее въ наше время и кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Замѣтимъ однакожъ предварительно, что ни одно изъ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій, въ своемъ настоящемъ видѣ, не можетъ прямо и исключительно предъявлять своихъ правъ на эту честь: всѣ они не сохранились до нашего времени въ своихъ первобытныхъ формахъ, аизмѣнились съ теченіемъ времени. Причины этого измѣненія заключаются, во первыхъ, въ полнѣйшемъ развитіи ими своихъ собственныхъ началъ, въ Грамматикѣ и Словарѣ, а во вторыхъ, въ иноземныхъ вліяніяхъ, которымъ почти всѣ они подверглись.

Шафарикъ дѣлить всѣ мнѣнія по этому предмету на два главные отдѣла. Къ первому изъ нихъ онъ относитъ всѣ тѣ предположенія, по коимъ переводъ совершенъ бытъ на коренній обще-Славянскій языкъ; а ко второму—мнѣнія, что онъ былъ сдѣланъ на то или другое изъ нарѣчій Славянскихъ въ-частности.

ией<sup>(5)</sup> и сочинителя легенды о Людмилѣ, которые все говорятъ просто, что книги св. писанія переведены были на Славянскій языкъ; но не упоминаютъ, на какое именно изъ нарѣчій его. Наконѣцъ важно и то обстоятельство, что переводъ такъ легко распространился между Моравами, Болгарами, Сербами и Русью.

Тѣмъ не менѣе однажды все сіи обстоятельства недостаточны для того, чтобы вполнѣ утвердить предположеніе. Раковецкаго Извѣстно, что еще за-долго до IX-го столѣтія Славяне дѣлились на Антовъ, Венедовъ и собственно Славянъ. Поколѣнія эти конечно отличались между собою и по языку. Извѣстно далѣе, что въ IX столѣтіи изъ Славянскихъ племенъ начали уже образовываться отдельныя, самобытныя государства, а образованіе это необходимо должно было вести за собою и различие въ языкахъ и другихъ условіяхъ народности. Значительное различіе Славянскихъ нарѣчій въ эти времена подтверждается еще тѣмъ, что мы находимъ его въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянской письменности. Припомнимъ только различіе въ языкахъ между Кралодворской рукописью и между древнимъ Польскимъ переводомъ молитвы ко Пресвятой Богородицѣ; равно какъ и въ языкахъ Іоанна Экзарха Болгарскаго отъ языка въ Несторѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ и другихъ памятникахъ древней Славянской письменности. Очень естественно и понятно также, почему Несторъ и другіе не означаютъ съ точностью—на какое именно нарѣчіе переведены были книги св. писанія. Во-первыхъ вопросъ этотъ не имѣлъ тогда особой важности; во-вторыхъ

(5) Четія-Минея: «и всѣ къ Церковному правилу потребныя книги съ Греческаго на Славянское чтеніе переведша.»

и во время Нестора, чтобы говорить о немъ, нельзя было обйтись безъ разысканій, которыхъ, какъ можно предполагать, онъ не дѣлалъ; въ-третьихъ—Церковный языкъ, по многоразличнымъ заимствованіямъ изъ Греческаго, не представлялъ и тогда буквального согласія ни съ однимъ изъ нарѣчій Славянскихъ, а содержалъ корни всѣмъ имъ принадлежащіе. Поэтому причинамъ Несторъ и его современники не могли въ этомъ случаѣ употребить другаго выраженія, кроме: «языкъ Славянскій». Слово это вполнѣ выражало языкъ перевода и, содержавъ себѣ нѣкоторую возвышенность значенія, совершенно соответствовало возвышенности Церкви и ея словесъ.

Понятность же перевода для всѣхъ Славянскихъ племенъ объясняется весьма легко. Во-первыхъ, переводъ этотъ былъ въ употребленіи преимущественно Славянъ восточныхъ, то есть: Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Богемцы и Поляки, наиболѣе отличающіеся разностью языка отъ прочихъ Славянъ, не употребляли его. Съ своей стороны Моравы, обратясь вскорѣ къ Католичеству и Латинской літургіи, не долго пользовались имъ. При томъ въ IX столѣтіи Моравія—обширное царство извѣстнаго Святополка Моравскаго—обнимала собою несравненно большее пространство, нежели теперь, пространство, въ которомъ жили и другіе Славяне. Во-вторыхъ—каждый Болгаринъ, Русскій и Сербъ долженъ былъ не только читать, но въ извѣстной мѣрѣ изучать книги св. писанія, потому что переводъ сдѣланъ былъ буквально и съ сохраненіемъ многихъ Греческихъ словъ, такъ что основное нарѣчіе перевода находилось въ немъ все-таки не во всей чистотѣ. При изученіи, производившемся съ пособіемъ духовныхъ лицъ, болѣе или менѣе образованныхъ, читавшій, по корнямъ и общему смыслу рѣчи, объяснялъ себѣ то, что было чуждо его род-

йому нарѣчію, какъ это теперь видимъ мы, въ примѣрѣ нашихъ простолюдиновъ. Еще болѣе разительнымъ доказательствомъ того, что языкъ церковныхъ книгъ, будучи нарѣчіемъ одного какого-либо племени Славянскаго, могъ быть понятенъ и для всѣхъ Славянъ, служитъ то обстоятельство, какъ легко распространились въ Сербии вообще въ Славянскихъ, при-Дунайскихъ земляхъ церковныя книги нашей Русской редакціи и нашей Киевской и Московской печати: книги эти, подвергшись разнымъ измѣненіямъ въ редакціяхъ XVI и XVII столѣтій, конечно были отличны отъ первоначальныхъ Кирилловскихъ церковныхъ книгъ, а между тѣмъ все-таки остались понятны для Русскихъ, какъ и для при-Дунайскихъ Славянъ. Такимъ образомъ, въ противность мнѣнію Раковецкаго, мы видимъ, что книги св. писанія, по всей вѣроятности, были переведены на одно какое-либо изъ частныхъ нарѣчій Славянскихъ, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, они могли быть понятны и другимъ племенамъ.

Переходимъ ко мнѣнію, въ сльдѣствіе коихъ языкъ перевода приписывается тому или другому изъ нарѣчій Славянскихъ въ отдѣльности.

Коль, первый профессоръ Церковной Исторіи и Словесности при Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, думалъ, что книги св. писанія переведены были на Южно-Русский языкъ. Въ мнѣніи своемъ, по словамъ Шафарика, онъ основывался на свидѣтельствѣ двухъ Русскихъ, изъ которыхъ одинъ увѣрялъ его, что въ Славоніи, между Савою и Дравою, говорять съ немногими различіями тѣмъ же языкомъ, который находимъ въ книгахъ св. писанія; а другой, что Кіево-Украинское нарѣчіе есть самое близкое къ древнему церковному. Очевидно, мнѣніе это, при такихъ основаніяхъ, не заслужи-

ваетъ никакого уваженія, хотя, при историческомъ изложеніи, не излишне упомянуть и о немъ. Рагузинецъ Стефанъ Роза, по словамъ Добровскаго (<sup>4</sup>) и Шафарика (<sup>5</sup>), почитается даже Кирилловъ переводъ не чисто Славянскимъ, по причинѣ какихъ-то примѣшанныхъ въ него Грекійскихъ словъ. Г. Новицкій (<sup>6</sup>) даетъ однакожъ некоторую цѣну этому мнѣнію, хотя, какъ думаемъ мы, въ ту слѣдовало бы прежде всего съ точностью опредѣлить, что должно разумѣть подъ этими Грекійскими словами.

Митрополитъ Евгений и Калайдовичъ, позднѣе, въ своемъ «Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ», принимали основаніемъ церковнаго языка Моравскаго нарѣчіе. Вотъ слова митрополита Евгения (<sup>7</sup>): «Извѣстно, что Константина и Меодій были учителями особенно Моравскихъ и Болгарскихъ Славянъ. Посему ближе всего заключить, что они должны были писать на нихъ и для нихъ віятыномъ нарѣчіи.... Даже, если-бы предположить, что Константина и Меодій имѣли въ Солуни случай научиться сперва Сербскому нарѣчію; то по прибытіи къ Моравамъ могли они удобно перенять и Моравское, по причинѣ тогдашняго еще недальняго разнства нарѣчій Славянскихъ, а не Моравовъ переучивать на Сербское.» Мнѣніе это нашло для себя противника въ Добровскомъ. Онъ находитъ, что Моравское нарѣчіе,

(<sup>4</sup>) Кирилъ и Меодій; страница 100.

(<sup>5</sup>) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur etc. страница 99.

(<sup>6</sup>) О первоначальномъ переводе св. писанія etc. страница 38.

(<sup>7</sup>) Исторический Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Часть 2, страница 66 — 67.

по лексическому и грамматическому образованію, относится къ другой отрасли Славянскихъ нарѣчій, нежели нашъ церковный языкъ, близко подходящій къ Русскому, Болгарскому и Сербскому, но рѣзко отличающійся отъ Богемскаго, Моравскаго и Польскаго нарѣчій. Добровскій утверждаетъ даже, что языкъ Кирилловскихъ книгъ не могъ быть вполнѣ понятенъ Моравамъ. «Славянскія церковныя книги, говоритъ онъ, перешли не изъ Моравіи къ Болгарамъ, но на-оборотъ, чрезъ Кирилла и Меѳодія, изъ Болгаріи въ Моравію, а послѣ уже изъ Болгаріи и Сербіи распространились и въ Россіи». Замѣтимъ однажды, что, по тѣмъ причинамъ, кои показаны были нами выше, и Моравы могли понимать языкъ Кирилла и Меѳодія. Въ послѣднее время своей жизни, преосвященный Евгеній, кажется, отклонился отъ этогомнѣнія и подавалъ по этому предмету голосъ въ пользу Болгарскаго нарѣчія. Калайдовичъ<sup>(8)</sup> полагалъ, что основой Церковно-Славянскому нарѣчію послужилъ языкъ, употреблявшися въ IX вѣкѣ у Моравовъ и бывшій общимъ для Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ и вѣроятно для другихъ однородныхъ племенъ. Но въ вышеозначенныхъ положеніяхъ Добровского заключается опроверженіе и этой мысли.

I. Хр. Йорданъ<sup>(9)</sup>, священникъ Далимилъ<sup>(10)</sup> и Чапловичъ<sup>(11)</sup> думали, что вѣроятно отъ центральной болгарской языковой зоны

(8) Иоаннъ Экзархъ Болгарскій. Страница 8.

<sup>(8)</sup> Іоаннъ Экзархъ Болгарскій. Страница 8.

<sup>(9)</sup> Въ своемъ сочиненіи: *De origine Slavorum* страница 127, онъ говоритьъ: Hungaro Slavonicam seu Hungariae Slovaconum dialectum inter omnes ad Slavonicam accedentes proximam linguae matri esse. Вирочено въ другомъ мѣстѣ этого-же сочиненія онъ склоняется въ пользу Болгарскаго нарѣчія.

(<sup>10</sup>) Далимъ отзывается по этому предмету такъ: His Hungariae incolis merito adhaesit nomen Slowak, quum praecipue hi linguam Slavonicam videantur retinuisse.

(<sup>11</sup>) Slavonien und Kroatien. Theil I. S. 219—220. Чапловичъ, основываясь, какъ гово-

ли, что церковный языкъ имѣлъ свое начало въ нарѣчіи Словаковъ, обитающихъ въ нынѣшней Венгрии. Основаніемъ этого мнѣнія служатъ слѣдующія и даныя: а) Моравія, о кратковременное, но вмѣстѣ и обширное владѣніе Святополка, обнимало собою почти всю землю нынѣшихъ Словаковъ, а известно, что Меѳодій всего дольше оставался во владѣніяхъ этого государя. б) Сказаніе Нестора, подтверждаемое и другими лѣтописцами, что Дунайскіе Славяне суть праотцы сѣверныхъ переселенцовъ своего племени. с) Грамматическая и лексическая близость нынѣшняго простонароднаго <sup>(12)</sup>, Словакскаго нарѣчія съ языкомъ церковнымъ. По мнѣнію Шафарика <sup>(15)</sup>, близость эта особенно видна въ собственно Словакскомъ нарѣчіи, то есть въ томъ, которымъ говорятъ въ воеводствахъ: Туропѣ, Арвѣ, Липтау, Солѣ, Барсѣ, Неоградѣ, Пестѣ, Борсодѣ и Гемерѣ. Вообще Шафарикъ даетъ мнѣнію Чапловича значительную цѣнность и, какъ думаютъ многіе, не безъ основанія. Жаль, что вопроса этого никто не изслѣдовалъ въ подробности.

Коритаръ и Гриммъ, одни изъ извѣстнѣйшихъ Славянистовъ нашего времени, думаютъ, что Крайно-Винское нарѣчіе приняло главное участіе въ образованіи Церковно-Славянскаго языка. Первый изъ сихъ ученыхъ сначала полагалъ, что первона-

ритъ объ этомъ Шафарикъ, на своихъ многолѣтніхъ наблюденіяхъ надъ нынѣшнимъ Сербскимъ нарѣчіемъ, пишетъ: «Нынѣшніе Сербы въ Славоніи и Кроаціи говорять языкомъ, который отличается отъ ихъ церковнаго языка точно также, какъ Итальянскій отъ Латинскаго. Къ церковному языку несравненно ближе Словакское нарѣчіе. Словакъ понимаетъ болѣе Евангеліе, нежели тотъ Сербъ, который особо не изучалъ церковнаго языка.»

<sup>(12)</sup> Письменный языкъ - употребляемый Словаками - есть Богемскій

<sup>(15)</sup> Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. pag. 377.

чальный Сербский языкъ далъ собою основу нарѣчію церковному; но по томъ, въ 1822 году, разбирая Добровскаго «Грамматику языка Славянскаго по древнему нарѣчію», перемѣнилъ это мнѣніе на вышеозначенное. Вотъ основныя положенія этого мнѣнія. Караптано-или Крайнцы на верхнемъ, а Болгары на нижнемъ Дунай поселились прежде другихъ Славянскихъ племенъ въ мѣстахъ, прилежащихъ этой рѣкѣ. Только чрезъ два столѣтія затѣмъ слѣдовали поселенія Кроатовъ и Сербовъ. Эти южные Славяне получили Христіанство чрезъ Аквилею и Зальцбургъ, а потомъ, около 863 года, явились къ нимъ преподобные Константины и Меѳодій и распространили между ними богослуженіе на Славянскомъ языке. Богослуженію этому нынѣ внимаются болѣе тридцати шести миллионовъ Славянъ въ Россіи, Венгрии, Болгаріи, Сербіи, Босніи, Черногоріи и частично въ Далмациї, Крації и Славоніи. Только въ собственной епархіи Меѳодія, у Паннонскихъ или, употребляя выражение Среднихъ вѣковъ, у Караптанскихъ Славянъ, оно вышло изъ употребленія. «Удивительно ли, говорятъ Копитары и Гриммъ, что ученые нашего времени ищутъ начало Церковно-Славянского языка всюду, кроме его собственного источника, забывая обѣдней Караптано-Винской письменности... Ближайшими соперниками сего послѣдняго нарѣчія въ переводахъ книгъ и списанія служатъ Болгарское и Сербо-Иллірійское; но, если мы сообразимъ нѣкоторыя обстоятельства, то первенство въ этомъ случаѣ, — продолжаютъ они, — останется за Болгарскимъ и не за Сербскимъ, а за Караптано-Винскимъ нарѣчіемъ. Вотъ эти обстоятельства. а) По берегамъ рѣкъ Савы, Дравы, Мура и Раба, на югъ отъ Дуная, въ древней Панноніи, где Меѳодій оставилъ все-гдѣ долѣ, живетъ полтора миллиона древнѣйшихъ Славянъ, кото-

рыхъ языкъ и теперь еще несравненно ближе къ церковному, нежели языкъ Иллірійскихъ Славянъ, истина, въ которой легко убѣдиться при небольшомъ сравненіи одного какого либо текста на Иллірійскомъ, Крайнскомъ и церковномъ нарѣчіяхъ. б) Кириллъ и Меѳодій никогда не жили въ Сербіи, а чрезъ Болгарію только проѣзжали. с) Хроники и легенды говорятъ только объ обращеніи Хазаровъ и Паннонскихъ и Моравскихъ Славянъ, а умалчиваютъ по этому предмету о Сербахъ. д) Если Сербы, столь-же мало какъ и Хазары, могутъ имѣть притязаній на то, чтобы считать Меѳодія своимъ первоучителемъ, то все право на это остается за Болгарами и Паннонскими Славянами; но и первые изъ сихъ послѣднихъ не могутъ удержать его за собою, какъ это видно изъ послѣдняго Копитарова доказательства. е) Оно состоитъ въ сходствѣ языка Церковно-Славянскаго съ Караптано-Винскимъ<sup>(14)</sup>, равно-какъ и въ германизмахъ, которые будто-бы встрѣчаются въ икѣ обоихъ. Эти германизмы, по словамъ Копитара, могли быть въ употреблении только у обитателей Панноніи, а не Мизіи, — обстоятельство, исключающее Болгаръ изъ соисканія. Мнѣніе Копитара было принято Гриммомъ въ его предисловіи къ Сербской грамматицѣ Вука Стефановича (Лейпцигъ. 1824). — Мы думаемъ однакожъ, что оно не заслуживаетъ полнаго одобрения. Первые пять изъ вышеозначенныхъ оснований слишкомъ неопределительны: по-крайней-мѣрѣ, они не представляютъ собою, если можно такъ выразиться, фундаментальной прочности,

<sup>(14)</sup> Одинъ изъ ученѣйшихъ соотечественниковъ нашихъ, недавно бывшій въ Западно-Славянскихъ земляхъ, подтверждалъ это сходство и въ примѣръ указывалъ на слова *гради сено*, слышанныя имъ въ Крайнѣ.

слишкомъ частны и могутъ быть оспариваемы. Послѣднее-же, и притомъ главнѣйшее, очевидно нелѣпо. Кто до Копитара и послѣ него находилъ германизмы въ нашихъ православныхъ книгахъ св. писанія? и что это за германизмы? — *олтарь*, *крестъ*, *крестить*, *оцѣтъ*, *псалтирь*, *монахъ*, *церковь*, *постъ*, *столъ*, *уповати* (будто-бы отъ *hoffen?*!) *пенязь*, *плугъ*. Корни первыхъ четырехъ словъ находятся въ языке Латинскомъ, трехъ слѣдующихъ въ Греческомъ; а корни остальныхъ словъ не общи-ли равно Германскому, какъ и Славянскому языкамъ? Это, по всей очевидности, прародительское достояніе. Наконецъ, если слово *попъ* и взято съ запада, то что можетъ доказать собою одно слово? Притомъ въ св. писаніи оно и не встрѣчается.

Имя знаменитаго аббата Добровского стоитъ во главѣ ученій о томъ, что книги св. писанія переведены были на Сербское нарѣчіе, хотя въ послѣствіи онъ измѣнилъ свое мнѣніе по сему предмету. Этому-же, прежде и послѣ Добровского, слѣдовали: Соларичъ, Матвѣй Мѣховита, Дольчи, Энгель, Бекъ, Луций, Шенлебенъ, сначала Каченовскій, Полевой, Гречы и другіе. Добровскій приступилъ къ изслѣдованию этого вопроса, какъ ученый критикъ. Разсмотрѣвъ внутреннія основанія Славянскихъ нарѣчій, онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ отрасли: на юго-восточную, къ которой отнесъ Русское, Болгарское, Сербское, Далматское, Кроатское и Виндское нарѣчія, и на сѣверо-западную, къ которой причислилъ нарѣчія Польское, Богемское, Словакское и Сербо-Виндское въ Лузаніи. Онъ нашелъ далѣе, что Славяне первой отрасли понимаютъ несравненно легче церковный языкъ, нежели Славяне второй изъ нихъ. Церковный языкъ относится, по его мнѣнію, къ Русскому, Сербскому, Болгарскому и

другимъ не-какъ родъ къ своимъ видамъ, но сораздѣляется съ ними и есть въ отношеніи къ нимъ такой-же видъ, хотя образовался изъ древле-Сербскаго языка. Сей послѣдній, продолжаетъ онъ, былъ въ употребленіи въ IX столѣтіи по правому берегу Дуная отъ Бѣлграда на Востокъ до Чернаго, на Западъ до Адріатическаго морей, а на Югъ отъ Дуная до Фессалоникъ, где Кирилль и Меѳодій могли выучиться ему еще въ молодости<sup>(15)</sup>. Такъ думалъ Добровскій еще въ 1808 году. Чрезъ 15 лѣтъ послѣ-того, при изданіи «Кирилла и Меѳодія» утверждалъ онъ почти тоже, но уже съ измѣненіями. «При обработываніи Славянской грамматики, я рачительно сличалъ новыя редакціи съ древними рукописями, говоритъ онъ, и посредствомъ этого сличенія убѣжался болѣе и болѣе, что языкъ Кирилла и Меѳодія было древнее Сербо-Болгаро-Македонское нарѣчіе, которое тогда еще не раздѣлилось и не исказилось пріемъсью чужаго, и остаюсь въ этомъ убѣженіи, несмотря на новое изслѣдованіе Калайдовича, и проч.» Уступка эта довольно важна и клонится въ пользу Болгарскаго нарѣчія, какъ видно изъ послѣднихъ словъ той-же главы въ «Кирилль и Меѳодій», где Добровскій говоритъ, что Славянскія церковныя книги перешли изъ Болгаріи въ Моравію, а потомъ уже изъ Болгаріи и Сербіи въ Россію<sup>(16)</sup>. Соларичъ писалъ въ пользу первого мнѣнія Добровского, съ патріотическимъ жаромъ, а потому пристрастно<sup>(17)</sup>. Къ тому-же у него всюду явный

<sup>(15)</sup> Slawin v. S. Dobrowsky. Prag. 1808. in 12° Статья: Ueber die Altslawische Sprache nach Schlözer.

<sup>(16)</sup> Добровскій: Кирилль и Меѳодій. Въ Нѣмецкомъ подлинникѣ страница 136; въ Русскомъ переводѣ страницы 100 и 101.

<sup>(17)</sup> Rimliani Slawenstwowsi. 1818. in 8°.

недостатокъ въ положительныхъ данныхъ и фактахъ. Вообще должно замѣтить, что однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ доказательствъ въ пользу того, что книги св. писанія переведены на первоначальное Сербское нарѣчіе, служитъ обстоятельство, что Кириллъ и Меѳодій были родомъ изъ Солуни (нынѣшихъ Фессалоникъ), города, населенаго въ то время Сербами, и что следовательно, воспитавшись среди Сербовъ, они должны были прежде всего узнать это нарѣчіе. Мѣсто рождения Кирилла и Меѳодія не есть однакожъ дѣловажное, относительно вопроса о сдѣланномъ ими переводѣ, потому что все образованіе свое они получили въ Константинополь и только въ последствіи выучились окончательно Славянскому языку. При-томъ, по увѣренію г. Априлова (<sup>18</sup>), въ Фессалоникахъ живутъ нынѣ потомки Славянъ, издревле здѣсь обитавшихъ, и это Болгаре, а не Сербы. Что касается наконецъ филологической близости Сербского нарѣчія съ церковнымъ, то она не такъ значительна и важна, тѣмъ болѣе, что Болгарское нарѣчіе имѣетъ на это гораздо болѣе правъ, какъ увидимъ ниже.

Въ наше время, по поводу разматриваемаго нами предмета, большая часть ученыхъ соединяетъ голоса свои въ пользу Болгарского нарѣчія. По-крайней-мѣрѣ, сюда должно отнести имена: Шлецера (<sup>19</sup>), родоначальника этого мнѣнія, и гг. Востокова, Максимовича, Шевырева, Венелина, Повицкаго, Погодина, Априлова, Бодянскаго и Шафарика, который впрочемъ прежде въ своей «Исторіи Славянского

(<sup>18</sup>) «Болгарские книжники» или какому Славянскому племени собственно принадлежитъ Кирилловская азбука? соч. Вас. Априлова. Одесса. 1841.

(<sup>19</sup>) Смотри его: *Nordische Geschichte.*

языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ» (<sup>20</sup>), считалъ, согласно съ Добровскимъ, основою нашего церковнаго нарѣчія то, которымъ въ древности Славяне говорили во Фракіи, Македоніи и Илліріи, а потомъ уже, въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ» (§ 30), склонился въ пользу Болгарскаго нарѣчія. Съ своей стороны мы также послѣдуемъ въ этомъ случаѣ за Шлецеромъ, потому что ни одно изъ прочихъ мнѣній, по всѣмъ соображеніямъ, не имѣть въ свою пользу столь много разнообразныхъ и сильныхъ данныхъ.

Данныя эти состоятъ въ доказательствахъ трехъ родовъ, кои суть: 1) историческая, 2) филологическая и 3) доказательства древними свидѣтельствами.

Доказательства историческая. 1. Въ 858 году въ Константинополь, къ императору Михаилу прибыло посольство отъ Хазаръ съ просьбою — прислать къ нимъ кого нибудь для наставленія въ вѣрѣ Христіанской. Дѣло обращенія поручено было Константину Фессалоникскому. Подробное сказаніе объ этомъ, какъ было показано въ предыдущей главѣ, находимъ въ Четіи-Минеи, изъ которой между-прочимъ узнаемъ еще, что Константинъ и Меѳодій, «достигше до Херсона, «града Хазаромъ сопредѣльного», умѣлиша тамо время довольно, «дондеже изучиша добръ языкъ Хазарскому, бесѣдоваху бо Хазары языккомъ Славенскімъ». Извѣстно, что Болгаре жили въ мѣстахъ сопредѣльныхъ Хазарамъ, а ученый Френѣ замѣчаетъ даже, что языкъ сихъ послѣднихъ былъ схожъ съ Болгарскимъ, хотя и отличенъ отъ языка Руссовъ. На этомъ основаніи, г. Но-

(<sup>20</sup>) Страница 118.

вицкій<sup>(21)</sup> дѣлаетъ прямое заключеніе, что Кириллъ и Меѳодій должны были перевести св. писаніе на то Славянское нарѣчіе, которому изучились «добрѣ», т. е. на Хазарское, или, по ближайшему его сходству, на Болгарское. По нашему мнѣнію однакожъ такъ решительно нельзя дѣлать этого вывода, потому что совершенная близость Хазарскаго нарѣчія съ Болгарскимъ не доказана еще въ ученомъ мірѣ, а вышеприведенный данныя слишкомъ недостаточны для этого. Пока довольно и того, что изъ словъ Четії-Минеи и изъ предапія о крещеніи Хазаръ мы видимъ, что Кириллъ и Меѳодій были въ Болгаріи или вообще у какого-либо Славянскаго народа восточной отрасли прежде, нежели въ Моравіи и Панноніи, и что они изучили языкъ Славянскій именно здесь. Далѣе, Четії-Минея разумѣеть подъ Хазарами Славянъ. Справедлива ли она въ этомъ случаѣ или нетъ — все однакожъ изъ ея сказаній очевидно слѣдуетъ, какъ показано было въ предыдущей главѣ, что подъ призваніемъ Кирилла и Меѳодія въ Хазарію, должно разумѣть призваніе ихъ въ какую-либо Славянскую землю и вѣроятно въ Болгарію. Если-же при этомъ вспомнимъ о крещеніи Болгарскаго царя Богориса, почти современномъ преданію о призваніи Кирилла и Меѳодія въ Хазарію; то предположенія наши получатъ новую силу.

2. Гораздо важнѣе однакожъ доказательство, представляемое Шафарикомъ, переведенное Бодянскимъ и повторенное Максимовичемъ. Оно состоитъ въ томъ, что въ VII и послѣдующихъ столѣтіяхъ Мизія или съверная часть древней Македоніи называлась двояко: во-первыхъ своимъ древнимъ именемъ Славиніей, а по Славянамъ,

<sup>(21)</sup> О переводѣ книгъ св. писанія. Кіевъ. 1837. страница 35.

искони обитавшимъ въ ней, а во-вторыхъ Болгаріей, по Урало-Чудскимъ Болгарамъ, покорившимъ ее въ VII столѣтіи. Слова «Болгарскій и Славянскій» были позднѣйшими писателями принимаемы одно за другое. Не мудрено же потому, что и у Нестора и у другихъ, передавшихъ намъ преданіе о переводѣ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ слова: Болгарскій и Славянскій (Церковно-Славянскій), принимаются одно за другое<sup>(22)</sup>.

Доказательства филологическія. 1. Сличеніе древне-Болгарскихъ текстовъ съ соотвѣтственными имъ мѣстами въ древнихъ же Церковно-Славянскихъ текстахъ, предложенное гг. Калайдовичемъ и Новицкимъ въ ихъ изслѣдованіяхъ, убѣждаетъ насъ въ совершенной близости, чему дальнѣйшимъ подтвержденіемъ служатъ и рукописи Болгарскія, найденные г. Шевыревымъ въ Ватиканской библіотекѣ и описанныя имъ. 2. Буква юсъ, характеризующая собою древнія Церковно-Славянскія рукописи, въ живомъ произношеніи не встрѣчается ни у одного изъ Славянскихъ племенъ, кроме Болгаръ. Они произносятъ ее не какъ польское ą- и ę- но какъ нѣчто среднее между звуками: о и у, сообщая при томъ этой буквѣ носовой отголосокъ. Отъ того-то сими буквами замѣнены были древніе юсы въ нашихъ новѣйшихъ редакціяхъ книгъ св. писанія. Отъ того-то и новѣйшіе

<sup>(22)</sup> Такимъ образомъ «въ рукописномъ Словарѣ Кирилла Александрийскаго читаемъ: Славинія, т. е. Булгарія; Абулфареджъ называетъ Симеона (888—927) Княземъ Болгаровъ и Славянъ; сочинитель житія св. Климента, помня перенесеніе чужаго имени Булгаровъ на Славянъ, нѣсколько разъ употребляетъ выраженія: народъ Славянскій и Болгарскій, языкъ Болгарскій, Славенскія письмена, чѣмъ очевидно намѣкаетъ на старобытность и первенство названія Словенъ въ Мизіи, въ послѣдствіи затменнаго именемъ Булгаровъ.—Шафарикъ. Славянскія древности. § 30. Иереводъ г. Бодянского.

Болгаре, въ произношениі своемъ сохранившіе свой юсъ до сихъ поръ, выражаясь по-Русски, смѣшиваютъ о и у. З. Наконецъ, если обратимъ внимание на грамматику пынѣшняго Болгарскаго языка, то найдемъ въ ней много сходнаго съ Церковно-Славянскими формами, не смотря на то, что Болгарскій языкъ, отъ соприкосновенія съ Турецкимъ и отъ разныхъ другихъ причинъ, очевидно уклонился (именно своими членами при существительныхъ) отъ обще-Славянской грамматической нормы<sup>(25)</sup>. Руководствомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить: «Болгарска грамматика сега перво сочинена отъ Неофута. въ Крагуевцѣ. 1835 in 8°.»

Въ устахъ нынѣшихъ Болгаръ можно еще слышать: «градъ, «злато, животъ вм. жизнь, знаменіе, естество, вретище, человѣце, «домове, сынове, троица, четворица, пятина, единадесятый, двана- «десетый, азъ, мене, ты, онъ, себѣ, самъ, кой, некой, оный, «есмь, еси, есть, есмы, есте, суть, бѣхъ, былъ, будемъ, бу- «дете, будатъ, яко самъ былъ» и проч.

Доказательства древними свидѣтельствами. 1. Греческий биографъ Болгарскаго архиепископа Клиmenta опредѣльительно говоритъ, что Кириллъ и Меѳодій перевели Богомъ дарованныя писанія съ Греческаго языка на Болгарскій<sup>(24)</sup>. 2. Градищенскій монахъ (въ Моравіи въ XII столѣтіи), говоря о призваніи Солунскихъ братьевъ въ Моравію, называетъ буквы, изобрѣтенные ими, Болгарскими<sup>(26)</sup>. 3. Слова Нестора: «Симъ бо первое предложены книги Моравъ, яже

<sup>(25)</sup> Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій.»

<sup>(26)</sup> Тамъ-же-стр. 37.

<sup>(27)</sup> Шлецеровъ: Несторъ. томъ 2. глава 10. стр. 80.

«прозвася грамота Словенськая, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.» На эти достойныя примѣчанія слова обратилъ вниманіе свое еще Шлецеръ. «Не ужель, говоритъ онъ<sup>(28)</sup>, при Несторѣ Славянскій языкъ употреблялся только въ Россіи и Болгарії?... можно надѣяться, что въ Болгарскихъ монастыряхъ есть еще рукописи, писанныя древнимъ Кирилловскимъ письмомъ.» Въ означенныхъ словахъ Нестора очевидно указаніе на то, что церковная грамота была первоначально собственностью Болгаръ, отъ которыхъ, какъ известно, книги св. писанія перешли къ Руссамъ.

4. Немаловажнымъ ручательствомъ въ пользу этого господствующаго нынѣ мнѣнія служатъ и открытія г. Бодянскаго. Первое изъ нихъ сдѣлано было имъ въ 1838 году, въ проѣздѣ его чрезъ Малороссію за границу, въ библіотекѣ Полтавской Семинаріи въ Переяславѣ, уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи. Онъ нашелъ тутъ четвероевангеліе, которое переведено было на южно-Русское (Малороссійское) нарѣчіе протопопомъ Саноцкимъ въ 1591 году и въ которомъ говорится, что переводъ его сдѣланъ съ Болгарскаго подлинника<sup>(29)</sup>. Здѣсь слово: «Болгарскій,» употреблено, какъ собственное название языка Церковно-Славянскаго. Второе, гораздо важнѣйшее открытіе сдѣлано было имъ въ 1842 году, въ Бреславѣ. Въ тамошней гимназической библіотекѣ при церкви св. Магдалины найденъ имъ Молитвенникъ или Служебникъ, въ которомъ сказано между-прочимъ: «въ царство сего Михаила царя крепенъ бысть Словенскій языкъ Морава. и дан быст им епископъ Мефеди и поиде съ

<sup>(28)</sup> Шлецеровъ Несторъ. томъ 2. глава 10. стр. 80.

<sup>(29)</sup> Смотри: Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія за 1838.

ним братцего Кирил оба философа съща сына Леонова Селоунь-  
нина. Сia ж прѣложиста въсе Божественное писаніе Греческихъ книг  
на Словенскы языкъ на болгарски, (28)» О языкѣ этого Служебника,  
г. Бодянскій говоритъ, что «хотя онъ принадлежитъ рукописи, коей  
существованіе неоспоримо уже въ половинѣ XVI столѣтія (1546), но  
судя по его внутреннимъ и внѣшнимъ свойствамъ, онъ далеко старѣе  
упомянутаго времени, по-крайней-мѣрѣ тремя ежели не болѣе столѣтія-  
ми.» Г. Бодянскій доказываетъ это сличеніемъ языка текста съ  
языкомъ рукописи Черноризца Храбра, находящейся тутъ-же. Какъ  
бы то ни было, это послѣднее открытие важно потому, что слу-  
житъ яснымъ, положительнымъ подтвержденіемъ мнѣнія, въ пользу  
котораго говорить столько разнообразныхъ данныхъ.

Такимъ образомъ большая часть доказательствъ склоняется въ  
пользу того, что основою Церковно-Славянского языка въ лекси-  
ческомъ отношеніи было древне-Болгарское нарѣчіе. Въ синтакси-  
ческомъ-же отношеніи, этою основою служилъ разумѣется во мно-  
гомъ языкъ Греческій. Остается желать, чтобы открыты, изданы  
и разсмотрѣны были грамоты и рукописи, хранящіяся въ Болгар-  
скихъ монастыряхъ, особенно въ Зографскомъ, на Атонской горѣ, и  
Рыльскомъ, возлѣ Габрова, въ Болгаріи. Быть можетъ, тогда общее  
предположеніе ученыхъ нашего времени о ближайшей связи Цер-  
ковно-Славянского языка съ древне-Болгарскимъ возвысилось бы  
на степень положенія, отклоняющаго всякия сомнѣнія.

(28) Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія за 1843 годъ. Июнь.  
страница 137.

Съ особымъ удовольствиемъ, должны мы замѣтить здесь, что  
возрожденiemъ своимъ Новоболгарская письменность во многомъ обя-  
зана Одесскимъ Бол гарямъ и особенно гг. Априлову и Ст. Топкову,  
которые не щадятъ ни издержекъ, ни пособій на пользу своего род-  
наго просвѣщенія. Первый изъ нихъ извѣстенъ и какъ писатель.

Съ особымъ удовольствиемъ, должны мы замѣтить здесь, что  
возрожденiemъ своимъ Новоболгарская письменность во многомъ обя-  
зана Одесскимъ Бол гарямъ и особенно гг. Априлову и Ст. Топкову,  
которые не щадятъ ни издержекъ, ни пособій на пользу своего род-  
наго просвѣщенія. Первый изъ нихъ извѣстенъ и какъ писатель.

Съ особымъ удовольствиемъ, должны мы замѣтить здесь, что  
возрожденiemъ своимъ Новоболгарская письменность во многомъ обя-  
зана Одесскимъ Бол гарямъ и особенно гг. Априлову и Ст. Топкову,  
которые не щадятъ ни издержекъ, ни пособій на пользу своего род-  
наго просвѣщенія. Первый изъ нихъ извѣстенъ и какъ писатель.

Глаголиту за первоначальное письмо древнейшихъ до-историческихъ Славянъ. Добровскій первый отвергъ эти произвольныя теоріи и положилъ предѣль всякимъ толкамъ, подвергнувъ предметъ строгому, критическому изслѣдованию. Главные результаты разысканій Добровскаго суть слѣдующие.

Глагольское письмо, по всей вѣроятности, изобрѣтено было въ XIII столѣтіи въ Далмациї для поддержанія Славянской литургіи, посредствомъ буквъ особаго вида и такихъ притомъ, которые съ первого взгляда непонятны для каждого. Изобрѣтеніе этихъ буквъ, для большей важности и для приданія имъ какъ-бы священнаго званія, приписано блаженному Иерониму. При составленіи этихъ буквъ основаниемъ послужили письмена Кирилловскія и Латинскія.

Предположенія Добровскаго были такъ естественны, просты; доказательства, на которыхъ основывались эти предположенія, такъ очевидны, что его мнѣніе вскорѣ распространилось всюду и было принято безъ возраженій. Только въ новѣйшее время, уже послѣ смерти Добровскаго, вопросъ о происхожденіи Глагольской азбуки возникъ снова и, должно признаться, какъ замѣчаетъ г. Прейсъ, остается въ этомъ видѣ и нынѣ, хотя большинство голосовъ на сторонѣ Добровскаго.

Открытие Глагольской рукописи, принадлежащей графу Клоцу, (Geagolita Clozianus), говоритъ этотъ ученый, дало поводъ подвергнуть этотъ предметъ новому разсмотрѣнію. Особенности языка рукописи, равно-какъ и примѣты палеографической, даютъ ей неоспоримое преимущество предъ всѣми извѣстными остатками Глагольской литературы. Она, какъ думаетъ Конитаръ, не новѣе древнейшихъ Кирилловскихъ рукописей. Кодексъ графа Клоца, по мнѣ-

*Чтобы читать какъ пишутъ въ азбукѣ съ звуками въ*  
*какъ языкомъ съ звуками въ азбукѣ съ звуками въ*  
*какъ языкомъ съ звуками въ азбукѣ съ звуками въ*  
*какъ языкомъ съ звуками въ азбукѣ съ звуками въ*

**О Глагольской азбукѣ и письменности.**

Въ ближайшей связи и даже своего рода соперничествѣ, касательно первобытности и древности, съ Кирилловскою азбукою находится Глагольская; (<sup>(1)</sup>) а потому хотя въ краткомъ изложеніи мы должны представить здѣсь главнѣйшия результаты изслѣдованій о ней, сдѣланныхъ въ новѣйшее время.

Глагольская азбука составляетъ собою одинъ изъ важнейшихъ вопросовъ современного Славянского языкоученія и критики. Извѣстно, что Далматскіе и нѣкоторые другие при-Адріатическіе Славяне имѣютъ особаго рода азбуку, которая въ качествѣ и порядкѣ звуковъ совершенно согласна съ Кирилловскою, но отличается отъ нея довольно страннымъ и вычурнымъ изображеніемъ буквъ. О происхожденіи этой азбуки написано было довольно много, особенно встарину, но по большей части неосновательно. Съ одной стороны много вредилъ тогда ложный патріотизмъ; съ другой — недостатокъ въ положительныхъ данныхъ и фактахъ, равно-какъ и въ глубоко-мысленной и беспристрастной критикѣ, которая-бы основана была на философскихъ началахъ. Господствующимъ мнѣнiemъ на Западѣ было то, что изобрѣтеніе Буквицы или Глагольской азбуки принадлежитъ блаженному Иерониму, отцу IV вѣка, родомъ Далмату. Были и частныя мнѣнія. Такъ напримѣръ, Антонъ принималъ

(<sup>1</sup>) Изъ всѣхъ изслѣдованій о Глагольской азбукѣ полнѣе и удовлетворительнѣе статья г. Прейса, помѣщенная въ Журналѣ Министерства Народного просвѣщенія за Мартъ 1843 года, не исключая даже Конитарова предисловія къ его «Глаголитъ». Статьей этой мы должны были руководствоваться по необходимости.

нию сего ученаго , совершенно уничтожаетъ одно изъ положений Добровского. Очевидно Глагольскія письмена гораздо древнѣе XIII столѣтія. Другое положеніе Добровского также находится въ сильномъ противорѣчи съ особенностями сего Глагольскаго памятника. Основываясь на позднѣйшихъ памятникахъ, Добровскій не со мнѣвался въ томъ , что изобрѣтатель Глагольскихъ письменъ , сообразуясь съ мѣстнымъ діалектомъ , выпустилъ иѣкоторыя изъ Кирилловскихъ буквъ. Клоцева рукопись свидѣтельствуетъ противное. Въ иѣкоторыхъ древнѣйшихъ Кирилловскихъ памятникахъ находятся Глагольскія буквы. Копитаръ увѣренъ , что Глагольская азбука была употребительна какъ въ Далмации , такъ и въ Болгаріи , и въ доказательство приводитъ Парижскій кодексъ не новѣе XII вѣка , въ которомъ находится Глагольскій алфавитъ съ надписью: abecenarium bulgaricum. Современное употребленіе двухъ алфавитовъ у Славянъ за-Дунайскихъ , какъ Греческаго , такъ и Римскаго исповѣданія , заставило г. Капитара догадываться , что одинъ изъ нихъ — Глагольскій былъ гражданскимъ , а другой — Кирилловскій — церковнымъ. Греки были изобрѣтателями послѣдняго , и , разумѣется , старались дать преимущество своему родному предѣльческому для нихъ Славянскому алфавиту. Такимъ образомъ Кирилловскія письмена получили перевѣсъ : Глагольскія были забыты и сохранились только тамъ , где Кирилловское письмо не могло удержаться. Онибы и здѣсь вѣроятно не уцѣльли , если бы не нашлось средство спасти ихъ именемъ св. Иеронима . »

Г. Гrimmъ принадлежитъ также къ числу защитниковъ древности Глагольскаго алфавита. Народы , говорить онъ , писали сперва отъ правой руки къ лѣвой. Въ этомъ способѣ письма , согласно съ

легчайшимъ способомъ двигать руку , прямолинейныя части буквъ ставились всегда съ-права ; а съ-левы приѣльвалось уже то , что составляетъ особенность каждой буквы. Когда начали писать отъ лѣвой руки къ правой , прямолинейныя черты буквъ были перенесены на лѣво , а кривыя черты , составляющія собственное отличие буквы , на право. Какъ бы то ни было , Grimmъ принимаетъ , что Глагольская азбука уже потому обнаруживаетъ свое первоначальное , древнѣйшее происхожденіе , что въ ней имѣють эти кривыя части буквы находятся слѣва (oi) , какъ въ азбукахъ первобытныхъ. Очевидно , это замѣчаніе Grimmъ не имѣеть никакой научной важности.

Замѣчанія г. Копитара несравненно дѣльнѣ ; но и противъ нихъ нашъ ученый г. Прейсъ дѣлаетъ совершенно основательныя возраженія. «Конечно Болгаре могли знать , говорить онъ , Глагольскую грамоту и письменность , могли списывать даже Глагольскіе подлинники ; но изъ этого не слѣдуетъ еще , чтобы этого рода письмена были общеупотребительными въ сей странѣ. Глагольскія буквы , находимыя въ Кирилловскихъ памятникахъ , могли быть затѣю , прихотью писцевъ. Въ Кирилловскихъ памятникахъ встрѣчаются даже буквы совершенно неизвѣстнаго происхожденія.» Даѣе г. Прейсъ совершенно основательно спрашивается : на что было Кириллу изобрѣтать новый алфавитъ , который , какъ всякая новизна , могъ быть только новымъ препятствіемъ для первоучителей въ ихъ великому начинанію ? При-томъ и Болгаре скорѣе рѣшились-бы оставить у себя свое родное письмо , нежели принять Греческое , тѣмъ болѣе , что первое было у нихъ во всеобщемъ употребленіи. Съ этой точки зрѣнія , мнѣніе г. Копитара подвер-

гается большому сомнению. Указание, которое онъ дѣлаетъ на Парижскій кодексъ, гдѣ Глагольская азбука названа : abecenarium bulgaricum, также ничего не доказываетъ. Г. Прейсъ весьма спра- ведливо замѣчаетъ, что слова эти можно почтеть равнозначитель- ными нашимъ: «Тарабарская грамота», тѣмъ болѣе, что имя Болгари- на, со времени первого Крестового похода, употребляемо было именно Французами въ самомъ невыгодномъ значеніи. Изъ обстоятельствъ, приводимыхъ г. Прейсомъ противъ мнѣнія Копитара, кро- мѣ другихъ, важны еще два: отчего сами Далматы называютъ Гла- голитскую азбуку Хорватскою,— и потомъ, отчего въ самой Далмациѣ до XIII столѣтія ни слова не говорится о Глагольскомъ алфавитѣ? между тѣмъ употребленіе Кирилловскихъ письменъ въ сей странѣ, во времена отдаленные, виѣ всякаго сомнѣнія.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ Копитара, г. Прейсъ склоняется на сторону Добровского, отвергаетъ современное употребленіе двухъ алфавитовъ въ Болгаріи, какъ весьма сомнительное, говорить, что, до запрещенія Кирилло-Славянской азбуки въ Далмациї, не было надобности изобрѣтать новый алфавитъ, что эта необходимость могла родиться только около 925 года, и что начонецъ родиной Глагольскихъ письменъ должно почтеть приморскую Краацію.

Въ самомъ дѣлѣ, все Европейскія азбуки, въ начертаніи буквъ и въ ихъ порядкѣ, основаны вообще на азбукѣ Греко-Латин- ской. Изъ этого общаго правила исключение составляетъ азбука небольшаго Славянскаго племени, не игравшаго почти никакой роли ни въ мірѣ политическомъ, ни въ мірѣ умственномъ. Между- тѣмъ въ начертаніи буквъ эта азбука чрезвычайно сложна и вы- чурна; въ порядкѣ ихъ она слѣдуетъ расположению Греческой,

Изъ сего послѣдняго обстоятельства нельзѧ не видѣть ея позднѣйшаго происхожденія; равно какъ изъ первого—того, что буквы въ ней были испещрены и разукрашены умышленно. Одну только азбуку знаемъ мы у всѣхъ образованныхъ народовъ Европы: они заимствовали ее или чрезъ посредство Римлянъ отъ Грековъ, или непосредственно отъ нихъ послѣднихъ и заимствовали въ ту эпоху, когда подчинились вліянію образованности древнихъ. Далмациѣ не могла составлять собою въ этомъ случаѣ исключенія. Будучи незначительной частью Европы, она вмѣстѣ съ нею заимствовала все свое образованіе отъ Грековъ и Римлянъ: письмена въ ней, по всей очевидности, должествовали бытъ сначала Греческія. Такъ было это у всѣхъ Сла- вянъ. Послѣ-того, Греческія и Латинскія буквы были приспо- соблены къ языку Славянскому Кирилломъ и Меѳодіемъ, точно также какъ это сдѣлано было за пѣсколько столѣтій и на Западѣ. Видоизмѣненная и приспособленная къ языку Славянскому, Гречес- кая азбука осталась достояніемъ всѣхъ истыхъ Славянъ. Другія изъ племенъ сего поколѣнія, по вліянію Запада, приняли буквы Латин- скія. Откуда-же азбука Глагольская, составляющая собою рѣзкое исключение изъ этого общаго правила? Послѣ этихъ соображеній, происхожденіе ея невольно становится подозрительнымъ,—происхо- жденіе случайное, вынужденное обстоятельствами, на которое такъ счастливо указалъ Добровский.

Глаголиты имѣютъ свою письменность, которая однажды вся состоитъ изъ книгъ богослужебныхъ. Древнейшими ея памятника- ми служатъ рукописи, принадлежащая Барону Клоцу и изданная Ко- питаромъ, и Глагольская псалтирь клирика Николая изъ острова Арбы, которая нѣкогда была приписываема св. Иерониму, относит-

ся къ 1220 году и теперь потеряна. Замѣтимъ, что древнійшій печатный памятникъ на Славянскомъ языке есть Глагольскій Миссалъ 1583 года, безъ означенія мѣста печатанія.

Глагольская письменность имѣла и свои періоды; но они состояли въ измѣненіяхъ правописанія и не болѣе. Съ XVII столѣтія замѣчательны три реформы въ Глагольской письменности. Первая изъ нихъ произведена была Леваковичемъ, въ половинѣ XVII столѣтія, а вторая Пастрничемъ, въ концѣ того же столѣтія. Наконецъ третья реформа, въ половинѣ прошедшаго столѣтія, произведена была Караманомъ. Главнымъ его правиломъ было во всемъ приближаться къ орографіи Русскихъ Церковно-Славянскихъ книгъ этого времени.

Кириллъ и Меѳодій положили прочное основаніе церковному языку Славянъ. Въ ихъ время онъ распространенъ былъ отъ береговъ Дуная до Адриатического моря. Но вскорѣ послѣ этихъ первоучителей Славянскихъ, Католическое духовенство начало сильно противиться распространенію богослуженія на Славянскомъ языке въ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ его духовному владычеству, и старалось всюду вводить употребленіе языка Латинскаго. Далмация и Кроація, принявши вѣроученіе Западной Церкви, но желавшія сократить богослуженіе на своемъ отечественномъ языке, были отторгнуты отъ общей судьбы Славянъ юго-восточныхъ такъ называемою Глагольскою азбукою.

Востоковъ дѣлить исторію письменного разработыванія Цер-

ковно-Славянскаго языка на три періода: первый изъ нихъ простирается отъ Кирилла и Меѳодія, или съ IX столѣтія по XIII, когда церковный языкъ и книги содѣлялись достояніемъ народа и когда отъ народнаго употребленія онъ началъ дѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу языка общеупотребительнаго. Второй періодъ простирается отъ XIII столѣтія до XVI, когда явился печатный текстъ книгъ св. писанія и когда начались исправленія языка сихъ послѣднихъ. Третій періодъ простирается отъ XVI столѣтія до нашего времени и характеризуется рѣзкимъ сближеніемъ языка Церковно-Славянскаго съ народнымъ Русскимъ и распространеніемъ книгъ Церковно-Русской печати въ Болгаріи и Сербіи. Слѣдяя сему, ученый археологъ нашъ принимаетъ три рода Церковно-Славянскаго языка: древнійшій, встрѣчающійся въ рукописяхъ отъ X до XIII вѣка, средній, который образовался постепенно отъ списыванія церковныхъ книгъ въ Россіи, Сербіи и Болгаріи, и новый, то есть языкъ церковныхъ книгъ, печатавшихся въ Россіи, Польшѣ и Венеции, особенно со времени исправленія перевода сихъ книгъ.

Что касается древнійшаго памятника Церковно-Славянской письменности, то, какъ известно, это есть Остромірово Евангеліе, относящееся, по всей вѣроятности, къ 1056 году и названное такъ по имени Новгородскаго Посадника Остроміра, для котораго оно списано было діакономъ Григоріемъ Критическимъ изданиемъ сего достопамятнѣйшаго изъ древнихъ памятниковъ Академія наукъ еще въ наши дни оказала бессмертную услугу письменности Славянской. Честь и слава ученому, который съ такимъ тщаніемъ и умѣньемъ передалъ намъ его.

Вотъ, Милостивые Государи, главнѣйшіе результаты совре-

менныхъ изслѣдований о началѣ и образователяхъ языка Церковно-Славянскаго. Надобно отдать справедливость направлению, которое господствуетъ въ наше время въ кругу ученыхъ и которое стремится преимущественно къ разъясненію стихій и условій жизни народовъ Славянскихъ. Наше Правительство содѣйствуетъ въ этомъ отношеніи какъ нельзя болѣе. Упомяну здѣсь только обѣ одномъ благородномъ учрежденіи съ его стороны. Установленіе каѳедры Славянскихъ языковъ и литературъ при всѣхъ Русскихъ университетахъ имѣть въ этомъ отношеніи самое важное значеніе. Кому какъ не Русскимъ принять на себя великое дѣло Славянизма, высокую задачу Славянскаго міра; кому какъ не имъ суждено разработать и прояснить для Европы тѣ начала, которыя самимъ Прорицаніемъ положены въ основу этого міра?

Будемъ благодарны! мудрыя, отеческія попеченія Государя Императора клонятся ко благу народовъ, Державной Десницѣ Его ввѣренныхъ. Это благо, которое мы—его вѣрноподданные, приемлемъ съ первыхъ рукъ, разливается и на всѣ народы, находящіеся или въ родствѣ съ нами, по происхожденію, или въ близкихъ торговыхъ и промышленныхъ связяхъ.

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

### О СОСТОЯНИИ И ДѢЙСТВІЯХЪ РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ,

съ 20 Июля 1843 по 18 Июня 1844 года.

Наукова бібліотека ОНУ ім. І.І. Мечникова

Мм. Гг!

Заключая нынѣшнимъ торже-  
шій 1843-1844 академической годъ  
вить вашему благосклонному вним-  
тельности своей, судьбахъ и состо-  
Послѣ всѣхъ тѣхъ преобразов-  
въ послѣдніе годы, вслѣдствіе не-  
чальства, — преобразованій, измѣни-  
шихъ цѣлью сдѣлать это заведеніе  
нымъ какъ современному состояніи  
требностямъ края, истекшій годъ  
прежними, годомъ покоя, необходи-  
насаженное принялось, окрѣпло и  
не произошло никакихъ въ этомъ

шепіямъ не прекращалось, не смотря на все тѣ, которыя приведены уже были въ исполненіе, то не преминули имѣть мѣсто въ теченіе его и нѣкоторыя новыя распоряженія. Такъ, согласно съ предложеніемъ г. попечителя, постановлено было обязать къ слушанію Канонического Права, преподававшагося дотолѣ однимъ студентамъ Греко-Российского исповѣданія, студентовъ юридического отдѣленія всѣхъ вѣроисповѣданій, и, по представлению г. исправляющаго должностъ адъюнкта, Комарницкаго, преподаваніе Теоріи Финансовъ соединено для юристовъ съ положительнымъ обѣихъ нихъ законодательствомъ.

#### ЗАНЯТИЯ СОВѢТА.

Всѣхъ засѣданій, въ теченіе года, Совѣтъ имѣлъ 15. Послѣ распределенія лекцій на текущій годъ и изданія имъ печатиаго обозрѣнія, важнѣйшими предметами его занятій были разсмотрѣнія конспектовъ, представленныхъ соискателями вакантной каѳедры Сельскаго Хозяйства, и разсужденій, представленныхъ студентами на заданныя темы. За-тѣмъ, кромѣ обыкновенныхъ, текущихъ дѣлъ по управлению учебною частью Лицея, производились въ засѣданіяхъ совѣта испытания желающимъ получить право на званіе домашнихъ учителей и учительницы, равно-какъ и на обученіе только чтенію и письму. Выдержали испытаніе и получили свидѣтельства на званіе уѣздного учителя 2, на званіе домашняго учителя 2, на исправленіе должности домашняго учителя 3, домашней учительницы 4, свидѣтельство на право обученія чтенію и письму на разныхъ языкахъ и первымъ четыремъ правиламъ Ариѳметики выдано

всего 13. Выдержали испытаніе, но не получили еще свидѣтельствъ: на званіе домашняго учителя 2, исправляющей должностъ домашней учительницы 1.

#### ЗАНЯТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

Кромѣ прямыхъ должностей своихъ, нѣкоторые члены Лицея занимали и другія. По случаю увольненія въ отпускъ на четыре мѣсяца директора Лицея Н. И. Синицына, должностъ его съ 22-го Мая по то-же число Сентября исправлялъ профессоръ Михневичъ, исправлявшій передъ-тѣмъ вакантную должностъ инспектора Лицея, которая на то время поручена была профессору Г. Бруну. По возвращеніи изъ отпуска г. директора, въ исправленіе должностіи инспектора вступилъ опять Михневичъ, занимавшій ее до 8-го Іюня, когда опять возложено на него исправленіе должностіи директора, а исправленіе должностіи инспектора вновь поручено г. Бруну.—Предметы каѳедры Энциклопедіи Законовѣдѣнія, остававшейся во все продолженіе академическаго года вакантною, читаны были по частямъ адъюнктами Пахманомъ и Линовскимъ и исправляющимъ должностъ адъюнкта Комарницкимъ.

Надзоръ надъ частными учебными заведеніями продолжали имѣть, какъ и въ предшествовавшемъ году, профессоръ Г. Брунь и адъюнкты Пахманъ и Петровскій.

Очередныя рѣчи для чтенія въ торжественномъ собраніи представлены были для прошлаго собранія: профессоромъ Нордманомъ «Объ ископаемыхъ остаткахъ первобытнаго міра», перепечатанная потомъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; и адъюнктомъ

Петровскимъ — «О значеніи Физико-математическихъ Наукъ въ практической жизни, и причинахъ ихъ быстрого развитія въ новѣйшія времена». Сверхъ исполненія обязанностей своихъ по преподаванію, и другихъ офиціальныхъ занятій, профессоры и адъюнкты Лицея посвящали свое время на другіе труды, участвуя по званію членовъ въ занятіяхъ ученыхъ обществъ, помѣщая статьи свои въ журналахъ, или издавая отдѣльныя сочиненія.

Редакцію издаваемаго Лицемъ съ благотворительною цѣлью и совершенствующагося съ каждымъ годомъ «Новороссійскаго Календаря», занимался въ нынѣшнемъ году, какъ и въ предшествовавшихъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого г. Попечителя, профессоръ Михневичъ, который сверхъ — того помѣстилъ тамъ статью «Историческій взглядъ на учебныя заведенія Новороссійскаго края и Бессарабіи». Изъ другихъ преподавателей Лицея доставили въ Календарь статьи свои: Ф. Брунъ «О виѣшней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи въ 1842 году»; Рафаловичъ «Новые материалы для Медицинской статистики Одессы (за 1842 годъ)»; Петровскій — «Объ устройствѣ солнечныхъ часовъ».

Профессоръ Нордманъ, по званію корреспондента Императорской Академіи наукъ въ С. Петербургѣ, представилъ въ оную издѣлование свое подъ заглавіемъ: «Monographie des Tergipes Edwardsii, ein Beitrag zur Natur-und Entwicklungsgeschichte der nackten Molusken.» Профессоры Мурзакевичъ и Григорьевъ участвовали въ редакціи первого издающагося тома «Записокъ» Одесского Общества Исторіи и Древностей, для которого представили также статьи и профессоры Зеленецкій, Беккеръ и Ф. Брунъ. Профессоръ Рафаловичъ во второй книжкѣ «Записокъ» Императорскаго Общества Сельскаго

Хозяйства Южной Россіи, на 1844 годъ, помѣстилъ статью: «Объ употребленіи главнѣйшихъ наружныхъ лекарствъ, прописываемыхъ врачами». Онъ-же въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ напечаталъ двѣ статьи: 1) «Описаніе Одесскаго Центральнаго Каратина», и 2) «Медицинская статистика Одессы за 1842 годъ». Исправляющій должность адъюнкта Комарницкій помѣстилъ тамъ-же; «О вольныхъ матросахъ». Оба кромѣ того, равно какъ и адъюнктъ Петровскій, помѣщали статьи свои въ Одесскомъ Вѣстнике.

Отдѣльно изданные труды были: «Гимназіческій курсъ Латинскаго языка — профессора Беккера. (Первый классъ. Одесса. 1844). Космографія, или учение о составѣ вселенной — адъюнкта Петровскаго. (Одесса. 1844.) и Handbuch zum praktischen Unterricht in der deutschen Sprache — лектора Эртеля (Одесса, 1844.).»

НАГРАДЫ И ПІЗМЕННІЯ ВЪ СОСТАВѢ ЧЛЕНОВЪ ЛІЦЕЯ.

По вниманію къ службѣ и трудамъ членовъ Лицея, удостоены Высочайшихъ наградъ: профессоры — Михневичъ, Ф. Брунъ, Беккеръ, Гассгагенъ, Левтеропуло и Мурзакевичъ, за выслугу законныхъ лѣтъ, произведены въ коллежские совѣтники; адъюнктъ Пахманъ — въ статскіе; адъюнктъ Линовскій — въ надворные. Бухгалтеръ Карайша и экзекуторъ и казначей лицея Корчакъ-Новицкій — въ коллежские секретари.

Уволенъ отъ службы, по совершенному разстройству здоровья, съ полнымъ пансіономъ и правомъ на ношеніе мундира, помощникъ инспектора коллежскій совѣтникъ Острожскій. Профессоръ Симоновичъ удостоенъ знака отличия безпорочной службы за XX лѣтъ,

профессоръ Левтеропуло за отличие по службѣ, въ замѣнъ Всемилостивѣйше пожалованнаго ему подарка по чину, награжденъ 200 рубл. серебромъ.

Определены: кандидатъ Дерптскаго университета Гавель,—исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ Сельскаго Хозяйства; кандидатъ Московскаго университета Бакунинъ, — исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ Энциклопедіи Правовѣденія; коллежскій ассесоръ Шевелевъ — помощникомъ инспектора.

Самымъ печальнымъ для Лицейа событиемъ была понесенная имъ потеря директора своего, статского советника Николая Ивановича Синицына, скончавшагося, послѣ долговременныхъ страданій, 3-го Июня сего 1844 года. Покойный занималъ эту должность съ 30-го Ноября 1832 года; несолько разъ, за отсутствиемъ попечителя, управлялъ цѣльнымъ округомъ, пользовался всегда особыннымъ довѣріемъ начальства, и прекраснымъ характеромъ своимъ, оставилъ неизгладимое по себѣ воспоминаніе въ сердцахъ благодарныхъ подчиненныхъ.

#### СОСТОЯНИЕ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ.

1) Основная библіотека состоитъ въ настоящее время изъ 5.155 названий въ 10.905 томахъ. Завѣдываетъ ею профессоръ Беккеръ.

2) Библіотека Института Восточныхъ языковъ заключаетъ въ себѣ 352 названія въ 548 томахъ. Въ томъ числѣ 60 рукописей на Арабскомъ, Персидскомъ и Турецкомъ языкахъ. Состоитъ подъ вѣденiemъ профессора Григорьева.

3) Библіотека для воспитанниковъ Лицейа имѣеть 303 названія въ 544 томахъ. Находится въ завѣдываніи исправляющаго должностіе инспектора.

4) Кабинетъ для чтенія получалъ 47 Русскихъ и иностраннѣхъ газетъ и журналовъ. Завѣдываетъ имъ библіотекарь.

5) Въ Минцѣ-Кабинетѣ находится монетъ: серебряныхъ 127, мѣдныхъ 675; медалей: серебряная 1, бронзовыхъ 462, оловянныхъ 230, жетоновъ 17, — всего на сумму 1189 р. Находится въ завѣдываніи библіотекаря.

6) Физическій кабинетъ состоитъ изъ 260 снарядовъ, на сумму 4.047 р. 48 $\frac{1}{2}$  к. Завѣдываетъ имъ профессоръ Левтеропуло.

7) Кабинетъ астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ состоитъ изъ 13 снарядовъ, стоящихъ 2740 р. 84 к. Завѣдываетъ имъ адъюнктъ Петровскій.

8) Въ Химической лабораторіи находится 5 снарядовъ и 362 препарата, на сумму 826 р. 74 $\frac{1}{2}$  к.

9) Минералогическій кабинетъ обогатился пріобрѣтеніемъ 1121 штуфа, высланныхъ, по распоряженію начальства, изъ бывшей Виленской Медико-Хирургической Академіи, и 4 пожертвованныхъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей. Всѣхъ штуфовъ въ немъ теперь 3165, на сумму 2085 р. 37 к.

10) Технологическій кабинетъ пріобрѣлъ 10 моделей на сумму 198 р. 57 к. Всѣхъ моделей въ немъ въ настоящее время 29 на сумму 341 р. 42 к.

11) Въ кабинетѣ земледѣльческихъ орудій и Сельскаго Хозяйства имѣются 24 модели на сумму 352 р. 7 к.

Химическая лабораторія, равно-какъ и три послѣдніе кабинета находятся въ завѣдываніи профессора Гассагена.

12) Зоологический кабинетъ заключаетъ въ себѣ 5.409 экземпляровъ на сумму 1746 р.

13) Гербаріумъ содержитъ въ себѣ 4.600 опредѣленныхъ по родъ, на сумму 992 р. 70 к.

14) Дендрологическое собраніе состоитъ изъ 54 экземпляровъ деревьевъ и кустарниковъ Таврической губерніи.

15) Собрание окаменѣлостей умножилось 200 экземпляровъ, и состоитъ теперь всего изъ 251.

Зоологическимъ кабинетомъ и тремя послѣдними собраніями завѣдываетъ профессоръ Нордманъ.

### ЗАНЯТИЯ УЧАЩИХСЯ.

На заданныя для этого года темы,—по Политической Экономіи: «Система Фридриха Листа въ сравненіи съ другими системами Политической Экономіи», и по Русской Исторіи: «О состояній искусствъ и художествъ въ Россіи, со времени введенія въ нее христіанства и до начала XVII вѣка», представлены: на первую два, и на вторую два-же разсужденія.

За удовлетворительное рѣшеніе первой задачи удостоены: золотой медали—студентъ III курса Юридического отдѣленія—Францъ Домбровскій, серебряной—студентъ II курса Юридического отдѣленія—Александръ Егуновъ. За удовлетворительное рѣшеніе второй задачи удостоенъ золотой медали—студентъ II курса Юридического отдѣленія—Яковъ Семеновъ.

На наступающій годъ утверждены слѣдующія темы: по Химіи—«Химическое описание сѣры и важнейшихъ ея соединеній съ тѣлами не металлическими», и по Русскому Гражданскому Судопроизводству—«О судебныхъ доказательствахъ въ постепенномъ ихъ развитіи, начиная отъ первыхъ письменныхъ источниковъ законодательства до новѣйшаго времени, или до изданія Свода Законовъ».—Послѣднимъ срокомъ для представленія разсужденій на означенныя темы назначается 30-е Апрѣля 1845 года.

На основаніи постановленія Совѣта, утвержденного высшимъ начальствомъ, всѣ студенты, оканчивающіе курсъ, представили сочиненія по предметамъ отдѣленій, изъ которыхъ нѣкоторыя признаны разматривавшими ихъ Преподавателями отлично-хорошими. Таковы сочиненія студентовъ: Вейнберга, Домбровскаго, Житухина Григорія, Житухина Василія, Стояновскаго и Янишевскаго.

Для практическаго усовершенствованія студентовъ въ Естественныхъ Наукахъ, по ходатайству г. Попечителя и съ разрѣшеніемъ г. Министра, Профессоръ Нордманъ предпринималъ съ тремя изъ нихъ: Княжевичемъ, Геровымъ и Остоловымъ учебную экскурсію по южнымъ частямъ Таврическаго полуострова. Матеріальнымъ плодомъ этой экскурсіи, продолжавшейся 42 дня, были значительныя ботаническія собранія, оставшіяся собственностью собирателей, и собраніе окаменѣлостей въ 200 экземплярахъ, умножившее лицейскія коллекціи.

### ИЗМѢНЕНІЯ СЪ СОСТАВЪ УЧАЩИХСЯ.

Изъ состоящей при Лицѣи Гимназіи поступило въ студенты, въ началѣ учебнаго года, 26 воспитанниковъ; изъ того числа, въ Юри-

дическое отдѣленіе 10, въ Камеральное 10 и въ Математическое 6. Пропущеній на поступленіе въ студенты подано въ теченіе года 44; по нимъ принято 41: изъ того числа—въ Юридическое 10, въ Камеральное 17, и въ Математическое 14. Троимъ-же, за невыдержаніемъ экзамена, въ принятіи отказано. Уволено изъ студентовъ въ продолженіе года 5, умеръ 1. Къ концу года всѣхъ студентовъ было 133, а именно: въ Юридическомъ отдѣленіи 48, въ Камеральномъ 54 и въ Математическомъ 31.

По окончаніи въ этомъ году полнаго курса наукъ, студенты III курса удостоены полученія аттестатовъ — Юридического отдѣленія: Яковъ Вейнбергъ, Александръ Минчаки, Григорій Карауловъ, Францъ Домбровскій, Василій Житухинъ, Антонъ Августовскій, Николай Спировскій, Левъ Пинскеръ, Луціянъ Стояновскій, Александръ Эрдели, Болеславъ Янишевскій, Викентій Издебскій и Авраамъ Баржанскій; Физико-математического отдѣленія: Григорій Житухинъ, Петръ Баженовъ, Александръ Михаловскій, Поликарпъ Пищолко, Александръ Михневичъ, Михаилъ Занчевскій, Андрей Осинскій и Александръ Тернавцевъ; и Камерального отдѣленія: Лаврентій Патерновскій, Яковъ Навроцкій, Михаилъ Маркевичъ и Александръ Казапскій.

Изъ втораго въ третій курсъ переводятся—по Юридическому отдѣленію: Яковъ Семеновъ, Аполлонъ Тернавцевъ, Василій Осинскій, Александръ Полетаевъ, Александръ Егуновъ, Михаилъ Тарановъ, Андрей Курковскій, Федоръ Онищенко, Карпъ Котруца, Михаилъ Куровицкій, Кириллъ Дзюбинскій, Константинъ Жадановъ, Александръ Динга, Дмитрій Суручанъ, Петръ Савицкій, Самуилъ Богатноу, Илья Безкровный и Венедиктъ Гржегоржевскій; по Математическому

отдѣленію: Александръ Дмитріевъ, Игнатій Хржонстовскій и Александръ Аржіо, и по Камеральному отдѣленію: Найденъ Геровъ, Антонинъ Княжевичъ, Іеронимъ Баранецкій, Константинъ Остомоповъ, Іосифъ Пенчинскій, Генрихъ Михайловскій, Афанасій Бутовичъ, Адольфъ Михайловскій, Александръ Оболонскій, Левъ Комаровскій, Александръ Романенко, Григорій Скаржинскій, Порфирий Крупениковъ и Герасимъ Яновичъ.

Изъ первого курса во второй—по Юридическому отдѣленію: Платонъ Шмаковъ, Павелъ Охрѣменко, Алексѣй Сучепко, Егоръ Шишканъ, Александръ Родидяль, Иванъ Ильяшевъ, Николай Шишмановъ, Самуилъ Кенигшацъ и Иванъ Карпинскій; по Математическому отдѣленію — Николай Вульфертъ, Сигизмундъ Милковскій, Іосифъ Завадскій, Константинъ Пулакасъ, Иванъ Чапскій, Владіміръ Спасскій, Федоръ Кузнецовъ, Мечеславъ Ижицкій, Георгій Янула, Михаилъ Шершеневичъ, Василій Яновскій и Сергій Браамсъ; и по Камеральному отдѣленію: Романъ Залога, Генрихъ Фиренкранцъ, Сигизмундъ Малаховскій, Генрихъ Петіонъ, Витольдъ Домбровскій, Людвигъ Ижицкій, Федоръ Гродскій, Эдуардъ Клодницкій, Владіміръ Миклашевскій, Иванъ Поповъ, Георгій Угримовъ, Константинъ Яковенко, Михаилъ Думовичъ, Николай Юстиніані, Александръ Леонтовичъ, Евстафій Куро, Николай Федоровъ, Іосифъ Чижевичъ, Константинъ Ижицкій, Анатолій Нарышкинъ, Владіміръ Кузинъ, Александръ Андре, Станиславъ Бржозовскій, Константина Арванти, Александръ Шишкінъ, Раймундъ Этлингеръ и Петръ Альянаки.

По окончаніи курса наукъ въ состоящей при Лицѣ Гимназіи, удостоены поступленія въ Лицей: Александръ Осинскій, Левъ Бѣликовичъ, Фокіонъ Булатовъ, Александръ Дебрюксъ, Алексѣй Вуко-

мановичъ, Витольдъ Богенскій, Александръ Гусевъ, Николай Поповъ 1-й, Константина Ивановъ, Константина Гуренко, Николай Поповъ 2-й, Андрей Ярошевъ, Гаврілъ Іенинъ, Яковъ Ландсбергъ, Евстафій Малиновскій, Яковъ Накрапъ, Николай Картамышевъ, Одисей Врето, Александръ Григоровичъ, Федоръ Андре, Людвигъ Гумницкій, Фабіанъ Патерновскій, Владиславъ Сушинскій, Самсонъ Юргенсонъ, Александръ Филипповъ, Николай Касапскій, Фердинандъ Бѣчковскій, Петръ Пасхаловъ и Алексѣй Яновичъ. Сверхъ-того Федоръ Эргардтъ, выдержавшій въ прошломъ году испытаніе съ достаточнымъ успѣхомъ, по не поступившій тогда въ число студентовъ, по недостиженію имъ лѣтъ, закономъ опредѣленныхъ для поступленія въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, нынѣ, на основаніи предписанія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, принимается въ первый курсъ Математическаго отдѣленія, безъ повторенія экзамена.

Отечество наше, Мм. Гг., — съ гордостью можемъ это сказать, — сдѣлало въ послѣднее время гигантскіе шаги въ дѣль высшаго образованія. Университеты наши и другія высшія учебныя заведенія въ послѣдніе десять лѣтъ преобразовались совершенно, и теперь многіе изъ нихъ смѣло могутъ соперничать съ товарищами своими въ Западной Европѣ. Смѣемъ думать, что отчеты Лицея за нынѣшній и предшествовавшіе годы могутъ служить свидѣтельствомъ, что посреди этого всеобщаго движения Россіи къ усовершенствованію, ни край нашъ, ни его высшее учебное заведеніе, не только не отставали отъ другихъ въ этомъ отношеніи, но во многомъ даже ихъ опередили. Начальство Лицея ревностно и постоянно стремится ко всякаго рода улучшеніямъ, а какъ стремленія эти цѣняются, и какъ распространяется въ здѣшнемъ краѣ потребность въ высшемъ обра-

зованіи, лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить безпрѣрывно и быстро увеличивающееся число студентовъ нашего заведенія; нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ сочувствіи здѣшняго населенія къ благимъ мѣрамъ Правительства, и при такой заботливости Правительства о приспособленіи образованія къ мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ края, Лицей и впредь будетъ преуспѣвать постоянно, какъ преуспѣваетъ въ Россіи все подъ благотворнымъ скіптомъ НИКОЛАЯ.

# ЖЕРФОЛОСЬ.

# ΙΕΡΟΝΟΜΟΣ

## НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ СИНИЦЫНЪ.

3-го числа текущаго Июня въ 10-ть часовъ утра, Лицей пашь лишился своего директора, статского советника и кавалера Николая Ивановича Синицына, похищенаго изъ среды нась преждевременною смертью. Онъ родился въ С.-Петербургѣ, въ 1800 г., и получивъ первоначальное образование въ родительскомъ домѣ, поступилъ въ 1814-мъ г. кадетомъ въ Морской Кадетскій Корпусъ. Отличившись тутъ успѣхами и прилежаніемъ, онъ былъ произведенъ въ 1819-мъ г., въ мичманы, и тогда-же, находясь въ возрастѣ, въ которомъ большая часть молодыхъ людей едва начинаютъ обнаруживать свои способности и нуждаются, для развитія своего, въ чужомъ руководствѣ, Николай Ивановичъ былъ признанъ достойнымъ быть руководителемъ другихъ. Въ качествѣ наставника, онъ поступилъ вновь въ Морской Кадетскій Корпусъ, гдѣ, въ продолженіе восьми лѣтъ, обучалъ гардемариновъ навигаціи, астрономіи, высшимъ математическимъ вычисленіямъ, механикѣ и физикѣ, сообщая имъ обширныя свои познанія, столь быстро приобрѣтенныя имъ въ теоріи и практикѣ мореплаванія. Въ теченіе этого времени онъ крейсировалъ на разныхъ корабляхъ между Петербургомъ и Кронштадтомъ, доходилъ до острова Исландіи, былъ дважды у береговъ Англіи и обошелъ ее вокругъ, идя и возвращаясь съ ост-

рова Исландіи. Въ 1824-мъ г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты, и въ этомъ чинѣ совершилъ на военномъ транспортѣ «Кроткій», подъ командою капитана 2-го ранга Гагемейстера, путешествіе вокругъ свѣта, продолжавшееся съ 28-го Августа 1828 по 19-е Сентября 1830 года. Возвратившись въ С. Петербургъ, Н. И. Синицынъ произведенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, за отличие, въ капитанъ-лейтенанты и сверхъ-того награжденъ, кромѣ жалованья по мѣсту, окладомъ жалованья по чину лейтенанта.

Въ 1832-мъ г., Высочайшимъ приказомъ отъ 30-го Ноября, Н. И. Синицынъ определенъ былъ директоромъ Ришельевскаго Лицей, съ переименованиемъ въ надворные совѣтники. Занимая это мѣсто болѣе одинадцати лѣтъ, семь разъ исправлялъ онъ должность попечителя Одесского Учеблаго Округа и пользовался постоянно всеобщимъ уваженiemъ и любовью всѣхъ сослуживцевъ, подчиненныхъ и учащагося юношества. За усердную службу въ званіи директора Лицей, онъ Всемилостивѣйше награжденъ былъ чинами коллежскаго и статскаго совѣтника, орденами св. Владимира IV-й степени и св. Станислава II-й степени, знакомъ отличія безпорочнай службы за XV-ть и XX-ть лѣтъ, денежнымъ награжденіемъ и объявлениемъ Высочайшаго благоволенія; сверхъ-того, за сбереженіе вѣренного ему заведенія отъ чумы 1837-го года, былъ награжденъ золотою медалью, въ память сего установленію.

Смерть его послѣдовала на 44-мъ году жизни, отъ кровотечения изъ легкихъ, въ-следствіе страданія сердца и главныхъ сосудистыхъ стволовъ его. Миръ праху его! Память усопшаго будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ гастро!

Бывшъ за памът Охтибрѣ 1<sup>го</sup> утра

## Рѣчи,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ НАДЪ МОГИЛОЮ

Николая Ивановича

Синицына,

при погребеніи его 1юня 5-го дня 1844 года.

Время сѣтованія и плача достигаетъ наконецъ своей ужаснѣйшей минуты: всѣ мы, родственники и друзья покойнаго, всѣ мы, близкіе и сердцемъ и мыслю къ нему, притекли, въ печальному шествіи, къ его послѣднему прагу.

Душа незабвеннаго отлетѣла уже въ вѣчность: предъ нами — его бренные останки, раздирающіе сердце воспоминаніемъ о той жизни, которая полна была добродѣтели и которой уже нѣть. Этъ черты, нынѣ мертвыя, но нѣкогда выражавшія дѣятельность, вмѣстѣ кроткую и энергическую, останутся на-долго въ памяти всѣхъ, кто только зналъ покойнаго. Они приводятъ на память дѣла воинской и гражданской доблести, дѣла добра и благородства и тѣмъ еще сильнѣе потрясаютъ душу.

Я не могу входить здѣсь въ подробности о жизни усопшаго. Его охладѣлый трупъ, его могила слишкомъ близки къ намъ и приковываютъ воображеніе къ ужасной минутѣ, въ которую мы творимъ ему послѣднее цѣлованіе. Въ эту минуту воображеніе бессильно и не можетъ уноситься въ даль прошедшаго: горесть овладѣла имъ вполнѣ. Скажу только, что самое уладительное воспоминаніе о памяти покойнаго сохранять и многіе въ Морскомъ

Кадетскомъ Корпусѣ, котораго офицеры, ученики Синицына, всегда съ должностной данью уваженія и благодарности, посѣщали своего бывшаго наставника въ послѣдній періодъ его жизни, и товарищи его въ путешествіи во-кругъ Земнаго шара, имъ совершенномъ въ 1828, 1829 и 1830 годахъ, и наконѣцъ, все мы, болѣшіе и малые, члены Заведенія, которымъ покойный управлялъ 11 лѣтъ.

Чувствую.... я усилилъ раны въ минуту ихъ жесточайшаго воспаленія, я тронулъ Васъ не краснорѣчіемъ словъ моихъ — оно ничтожно, — по воспоминаніемъ о человѣкѣ, котораго вся жизнь была дѣломъ благимъ и полезнымъ, тронулъ сердце его родныхъ, потерявшихъ въ немъ прекраснаго сына, супруга, и брата.... Горе имъ, горе всѣмъ намъ!

Придетъ время: оно провѣтъ, охладить горкія сѣтованія души, пораженной утратой невозвратимой. Это — удѣлъ всего земнаго. Но вѣчный миръ, и вѣчное благословеніе памяти твоей, нашъ добрый и благородный Николай Ивановичъ! —

К. З.